
ПУШКИНЪ И МИЦКЕВИЧЪ

ПАМЯТНИКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО

I.

Весною 1832 г., въ Дрезденѣ написаны А. Мицкевичемъ третья часть „Дѣдовъ“ и состоящій съ этою частью поэмы въ связи эпизодъ „Петербургъ“; онъ посвященъ „друзьямъ-москалямъ“ и подраздѣленъ на шесть картинокъ-отрывковъ. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ, озаглавленномъ: „Памятникъ Петра Великаго“, имѣются два стиха, опредѣляющіе отношеніе Мицкевича къ „поэту русскаго народа, прославившемуся гѣснопѣніями по всему сѣверу“:

Znali się z sobą nie długo, lecz wiele,
I od dni kilku już są przyjaciele...

— „они знакомы были не долго, но много, и стали друзьями тому назадъ нѣсколько дней“. Тонъ яснаго спокойствія, господствующій въ отрывкѣ, теплота чувства и полное довѣріе къ Пушкину тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что въ промежуткѣ между моментомъ, когда началось знакомство поэтовъ, и тѣмъ, когда писался отрывокъ, пронеслись бурнымъ шкваломъ политическія событія, вслѣдствіе которыхъ „двѣ горныя вершины“ уже были раздѣлены не одною „малою струею горнаго потока“, но, можно сказать, цѣлою глубиною океана; онѣ не клонились по прежнему одна къ другой, но отвернулись и приняли

противоположныя направленія. Въ письмѣ, писанномъ въ іюлѣ 1831 г. къ графу А. Х. Бенкендорфу, Пушкинъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему издавать политическій и литературный журналъ, который бы приблизилъ къ правительству людей, ему полезныхъ, еще дичащихся по напрасному предположенію, что оно непріязненно къ просвѣщенію ¹⁾. Еще въ концѣ 1831 г. В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ издали сообще: „На взятіе Варшавы, три стихотворенія“, изъ которыхъ два принадлежатъ Пушкину: „Клеветникамъ Россіи“, отъ 2-го августа, и „Бородинская годовщина“, отъ 5-го сентября 1831 г. Этотъ сборникъ пользовался съ самаго его появленія громкимъ и всеобщимъ успѣхомъ, котораго отголоски не могли не доходить до Мицкевича во время его пребыванія въ Познани и въ Дрезденѣ. Сборникъ былъ искреннимъ выраженіемъ тогдашняго настроенія чувствъ обоихъ авторовъ. Подвинули ихъ на это самые разнообразныя мотивы: патріотизмъ, пробужденный польскимъ мятежемъ; волненіе, распространившееся по всему русскому обществу; полная общность и самихъ поэтовъ, и всего народа. въ этомъ направленіи, съ правительствомъ; наконецъ, могла быть тутъ и извѣстная увѣренность въ томъ, что въ этомъ направленіи легче возвратить извѣстную свободу литературѣ, которую она не пользовалась бы при всякомъ другомъ направленіи. Всѣ три стихотворенія написаны уже послѣ одержанной побѣды, въ первые дни скитанія за границей ушедшихъ туда побѣжденныхъ, которые это скитаніе величали именемъ „польскаго пилигримства“. Надобно, однако, отдать полную справедливость Пушкину, что онъ весьма бережливо и осторожно касался ранъ, наболѣвшихъ у поляковъ:

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали...
Мы не сождемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Одна только особенность невѣрно звучитъ въ этихъ стихахъ, какъ очевидная несообразность въ сравненіи—это намекъ по поводу Варшавы на сожженіе Москвы въ 1812 году. Мы готовы признать ее за простой lapsus calami. Вѣдь „пожаръ Москвы“ приписывается не побѣдителямъ, и считался всегда чѣмъ-то въ

¹⁾ См. „Сочиненія А. С. Пушкина“, т. VII, № 296 (Спб. 1887), въ изданіи Литературнаго Фонда, на которое мы будемъ ссылаться и впослѣдствіи.

родѣ баллады „Альпухара“ въ поэмѣ „Валленродъ“; пожаръ приписывается самимъ жителямъ Москвы, а не взявшимъ ее французамъ. Самъ Пушкинъ прославлялъ не разъ этотъ пожаръ, какъ великій подвигъ со стороны русскихъ („Наполеонъ“, „Рославлевъ“).

Мы сказали, какимъ образомъ сборникъ: „На взятіе Варшавы“, былъ въ свое время принятъ въ русскомъ обществѣ всѣми, за исключеніемъ, впрочемъ, близкаго друга обоимъ поэтамъ, князя П. А. Вяземскаго, отнесагося, какъ извѣстно, къ тому сборнику весьма строго (см. Полн. собр. сочин., т. IX, 1884, стр. 156—159). Но въ защиту Пушкина слѣдуетъ, однако, привести то обстоятельство, что гораздо раньше польскаго мятежа 1830 г. онъ сознавалъ рознь и антагонизмъ двухъ главныхъ сѣверно-славянскихъ національностей, изъ коихъ ни одна другой не уступала. Въ новомъ изданіи Пушкина (I, 334) появился отрывокъ, помѣченный 1824 г. и посвященный неизвѣстному намъ графу О., поляку и поэту, котораго начальные стихи перешли почти цѣликомъ въ стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“:

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ гровою.

Антагонизмъ въ глазахъ поэта—явленіе вполне естественное и вѣковѣчное, допускающее одно лишь исключеніе:

Но огонь поэзии чудесной
Сердца враждебныя мирить.

Несомнѣнно, въ душѣ Пушкина задолго до 1830 года хранились зародыши тѣхъ чувствъ, которые потомъ высказались въ стихахъ: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“. Далѣе, въ защиту Пушкина противъ кн. П. А. Вяземскаго нельзя не привести также и того обстоятельства, что даже послѣ мятежа 1830 года, послѣ борьбы и побѣды, онъ никогда не переставалъ признавать въ побѣжденныхъ близкихъ людей и единоплеменниковъ; онъ скорбѣлъ о борьбѣ, онъ считалъ ее однимъ изъ эпизодовъ той вѣковой семейной вражды, которая кончится когда-нибудь въ будущемъ исцѣленіемъ ранъ, примиреніемъ. Ему противно только то, что вступаются въ это дѣло чужіе люди, въ особенности французы. Въ письмѣ къ кн. П. Б. Голицыну (XII, № 412) Пушкинъ поясняетъ (ноябрь, 1836), что онъ хотѣлъ „donner sur le nez à toutes vociferations de la chambre

des députés“. Извѣстно обращеніе, въ „Бородинской годовщинѣ“, къ иностраннымъ писателямъ и ораторамъ“:

Но вы, мутители палатъ,
 Легкоязычныя вити,
 Вы—черни бѣдственныя набать,
 Клеветники, враги Россіи!

При подобныхъ условіяхъ задачи трудно, однако, оставаться вполне безпристрастнымъ, особенно по отношенію къ врагамъ. Вослѣвая побѣду, нельзя было, наконецъ, воздержаться отъ хулы, несмотря на всѣ свои дружественныя отношенія къ Мицкевичу.

Мицкевичъ зналъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ расположеніи къ польскому вопросу бывшихъ его знакомыхъ, петербургскихъ и московскихъ. Ихъ голоса, теперь для него прямо враждебные, и вызвали съ его стороны краткое, но ѣдкое посвященіе упомянутого эпизода „друзьямъ-москалямъ“; оно обращено не къ какому-нибудь опредѣленному лицу или лицамъ, а ко всѣмъ тѣмъ, которые, бывъ его пріятелями, обрушились теперь на него. Нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы это посвященіе мѣтило, между прочимъ, и въ Пушкина. Ни въ писанномъ Мицкевичемъ некрологѣ Пушкина, въ „Globe“, 25-го мая 1837 г., ни въ лекціяхъ о славянскихъ литературахъ, читанныхъ въ „Collége de France“, Мицкевичъ не коснулся ни разу дѣятельности Пушкина, какъ поэта-бойца въ національной и политической русско-польской борьбѣ. Въ памяти Мицкевича Пушкинъ навсегда остался такимъ, какимъ онъ былъ въ 1828 г., безъ малѣйшаго измѣненія. Очевидно, что Мицкевичъ всегда созерцалъ Пушкина съ точки зрѣнія тѣхъ „душъ, возвышающихся надъ земными препятствіями“, которыя парятъ въ эфирной вышинѣ и не ниспускаются на землю безъ крайней къ тому необходимости, вытекающей изъ понятія долга—народнаго или общественнаго. Съ политикомъ-Пушкинымъ Мицкевичъ не хотѣлъ примиряться, но онъ не хотѣлъ Пушкина судить, и дѣйствовалъ, какъ будто бы совсѣмъ не зналъ, что Пушкинъ писалъ когда-нибудь какъ политикъ.

Была ли между поэтами взаимность по отношенію къ ихъ политическимъ убѣжденіямъ? Относился ли Пушкинъ къ Мицкевичу съ такою же уступчивостью, съ такимъ же снисхожденіемъ? Взаимность была, но не столь полная, не столь совершенная. Мицкевичъ принадлежалъ къ весьма небольшому числу людей, которые вѣнчали Пушкину уваженіе. Пушкинъ занимался произведеніями Мицкевича не только послѣ отъѣзда Мицкевича изъ Россіи (1829), но и послѣ мятежа 1830 г. Въ „Сонетѣ“ (1830)

Пушкинъ писалъ: „Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,—Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный—Свои мечты мгновенно заключалъ“. Въ „Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина“, среди воспоминаній объ Атридахъ и Митридатѣ, помѣщены стихи: „Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный,—И посреди прибрежныхъ скалъ—Свою Литву воспоминалъ“ (III, 407). Еще въ 1828 г. Пушкинъ перевелъ введеніе къ „Валленроду“; въ 1833 г. въ Болдинѣ онъ перевелъ „Будрыса и Воеводу“ (III, 151, 153). Въ XV главѣ повѣсти „Дубровский“ (IV, 197) Пушкинъ изображаетъ такимъ образомъ работы на пальцахъ героини Марьи Кирилловны: „она не путалась шелками подобно любовницѣ Конрада, которая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ“. Въ 1833 г., Пушкинъ имѣлъ уже въ рукахъ третью часть „Дѣдовъ“, потому что въ припискахъ къ оконченному и перебѣленному въ Болдинѣ 31-го октября 1833 г. „Мѣдному Всаднику“ онъ похваляетъ яркость красокъ въ изображеніи петербургскаго наводненія въ отрывкѣ „Oleszkiewicz“, входящемъ въ составъ эпизода „Петербургъ“ (III, 564), и числомъ „10-го сентября 1834 г. Спб.“, помѣченъ найденный въ бумагахъ Пушкина отрывокъ въ 20 стиховъ безъ всякаго заглавія, изображающій несомнѣнно Мицкевича и характеризующій его чертами, исполненными глубокаго уваженія и сердечнаго сочувствія: „Злобы въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ... Мирный, благосклонный, онъ вдохновенъ былъ выше и съ высоты взиралъ на жизнь... Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“... На этомъ художественномъ изображеніи замѣчается, однако, и доля неприязненной критики:

Нашъ мирный гость сталъ намъ врагомъ; и нынѣ,
 Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
 Поетъ онъ *ненависть*... О, Боже, возврати
 Твой миръ въ его озлобленную душу!..

До того числа (10-го авг. 1834), которымъ помѣченъ отрывокъ Пушкина изъ сочиненій Мицкевича, были распространены только третья часть „Дѣдовъ“ съ „Петербургомъ“ и „Книги польскаго народа и паломничества“. Печатаніе „Пана Тадеуша“ кончено только въ іюль 1834, слѣдовательно этотъ эпосъ никакъ не могъ быть въ Петербургѣ извѣстенъ. Слова: „поетъ онъ ненависть“, очевидно, относятся къ стихамъ—не къ прозѣ, и притомъ не къ такому дидактическому произведенію, какъ „Книги польскаго народа и паломничества“, которымъ подражалъ потомъ по формѣ Ламть въ „Paroles d'un Croquant“. Изъ совокупности

такихъ данныхъ слѣдуетъ выводъ, что обвиненіе въ воспѣваніи ненависти направлено противъ Мицкевича за третью часть „Дѣдовъ“ и, вѣроятно, за посвященіе „Петербурга“. Собственно, у Мицкевича нельзя найти ни возбужденія къ международной ненависти, ни подстрекательства соотечественниковъ къ возстанію 1830 г. Онъ не принималъ въ мятежъ участія и избѣгалъ всякихъ клубовъ и сборищъ съ политическимъ оттѣнкомъ. Не только буйной, но и никакой вообще черни не было между заграничными выходцами. Послѣ побѣдъ, послѣ подавленія мятежа, онъ сдѣлался, по доброй волѣ, эмигрантомъ. Событія 1830 г. вырыли между обоими поэтами бездонную пропасть и поставили ихъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ въ жгучемъ вопросѣ. Они скорѣе повліяли на Пушкина, нежели на Мицкевича. На Пушкина подѣйствовало очнувшееся въ массахъ патріотическое чувство, всегда увлекающее отдѣльныхъ людей всею силою инстинкта. Пушкинъ измѣнился, но не хотѣлъ признать въ себѣ этой перемены, и укорялъ Мицкевича въ непослѣдовательности, въ безпричинной ненависти, вмѣсто прежней любви. Впрочемъ, такъ какъ перемена въ Мицкевичѣ, о которой сожалѣлъ Пушкинъ, касалась только политики, во всемъ же остальномъ Пушкинъ не пересталъ цѣнить и высоко уважать въ Мицкевичѣ человѣка и великаго поэта, то въ исторіи сохранится навсегда красивый слѣдъ ихъ кратковременнаго сближенія, фиксированный въ картинѣ,¹⁾ съ которой начинается „Памятникъ Петра Великаго“ у Мицкевича ¹⁾:

¹⁾ Считаемо нелишнимъ привести здѣсь сужденія польскаго поэта о произведеніяхъ русскаго пѣвца, высказанныя Мицкевичемъ, какъ въ некрологѣ Пушкина, такъ и въ курсѣ славянскихъ литературъ.

Къ числу произведеній Пушкина въ чисто Байроновскомъ духѣ Мицкевичъ относитъ „Кавказскаго Пльнника“ и „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Въ нихъ Пушкинъ не столько байронистъ, то-есть подражатель Байрону, сколько байронствующій (*byronique*), то-есть вдохновляющійся Байрономъ. Поэмы „Цыганы“ и „Мазепа“ (? г-е. Полтава) знаменуютъ явный устѣхъ, характеры сильнѣе обрисованы, слогъ свободнѣе отъ романтической утрировки, только форма остается Байроновская и мѣшаетъ свободѣ творчества. Въ выборѣ историческихъ сюжетовъ, въ заботливости о мѣстномъ колоритѣ, съвязить несознаваемое, можетъ быть, самимъ Пушкинымъ вліяніе Вальтеръ-Скотта. Красивѣйшимъ, оригинальнѣйшимъ и народнѣйшимъ созданіемъ Пушкина Мицкевичъ считаетъ „Овѣгина“, которое будетъ читаемо во всѣхъ славянскихъ земляхъ и навсегда останется памятникомъ той эпохи. Началось оно съ подражанія Байроновскому „Донъ-Жуану“, но затѣмъ Пушкинъ смогъ создать его самостоятельно, и сдѣлался вполне своеобразенъ. Сюжетъ и лица взяты изъ дѣйствительности, изъ частной жизни. Произведеніе содержитъ въ себѣ множество трагическихъ мотивовъ и сценъ изъ высшей комедіи. Содержаніе поэмъ весьма простое: исторія двухъ влюбленныхъ паръ: одинъ герой гибнетъ на дуэли, другой герой сходитъ со сцены и появляется только въ концѣ романа. Это содержаніе слишкомъ скромное, недоста-

Z wieczora na dżdzu stali dwaj młodzieńce
Pod jednym płaszczem wziąwszy się za ręce...

— „вечеромъ на дождѣ стояли оба юноши, взявшись за руки и подъ однимъ плащемъ“.

Они были ровесники: Мицкевичъ родился 24-го декабря 1798 г., въ Новогрудѣ; Пушкинъ—26-го мая 1799 г., въ Москвѣ. Роковая пуля Дантеса похитила Пушкина 29-го января 1837 г., въ самомъ цвѣтѣ художественнаго развитія. Мицкевичъ скончался 26-го ноября 1855 г. на Лени-Шери, въ Перѣ, въ Константинополѣ, но его поэтическое творчество довольно рано погасло. Послѣднимъ изъ большихъ его произведенийъ былъ „Панъ Тадеушъ“, котораго послѣдніе стихи дописаны были въ февралѣ 1834 г. Общеніе поэтовъ, прерываемое частыми отъѣздами Пушкина въ деревню, продолжалось около двухъ лѣтъ, съ начала 1827 г. до марта 1829 г., когда Пушкинъ, зная, что ему не разрѣшатъ ѣхать въ армію Паскевича на Кавказъ, отправился

точное для большой поэмы, но въ сценахъ жизни домашней, въ пейзажахъ, Пушкинъ нашелъ много мотивовъ, частью комическихъ, частью трагическихъ и романтическихъ. Пушкинъ не столь плодovitъ, какъ Байронъ, не столь богатъ, онъ не подымается столь высоко въ своемъ пареніи, не погружается столь глубоко въ сердце человѣческое, но онъ правильнѣе Байрона, и отдѣлка формы у него старательнѣе. Дивный слогъ его мѣняетъ ежеминутно видъ и цвѣтъ, отъ оди нисходитъ до эниграммы; падаются часто сцены грандіозныя, почти эпическія. Поэма проникнута болѣе жгучею тоскою, чѣмъ въ произведеніяхъ Байрона. Вскормленный романами, раздѣлявшій чувства своихъ друзей, молодыхъ и порывистыхъ либераловъ, Пушкинъ испыталъ жестокое разочарованіе, вслѣдствіе чего онъ охладѣлъ ко всему высокому и прекрасному на землѣ. Начавъ писать свой романъ, вѣроятно, Пушкинъ не уяснилъ еще себѣ его развязку, потому что онъ не былъ бы въ состояніи изобразить любовь молодыхъ людей съ такою чувствительностью, непосредственностью и силою, если бы тогда же предполагалъ заключить романъ столь печально и прозаично. Въ Онѣгінѣ Пушкинъ изобразилъ самого себя.

Мечтамъ невольная преданность,
Неподражаемая странность,
И рѣзкій, охлажденный умъ...

Преобладающее въ Онѣгінѣ чувство есть ненависть къ тому, что считается модою, общественнымъ приличіемъ (le ton de la société).

Что касается до „Бориса Годунова“, то Мицкевичъ не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые ставятъ это произведеніе на ряду съ Шекспировскими, но онъ уклоняется отъ объяснительной мотивировки своего сужденія. Ему кажется, что Пушкинъ былъ слишкомъ еще молодъ для созданія историческихъ личностей. Эта попытка показала только, чѣмъ онъ могъ стать со временемъ: „Et tu Shakspeare eris, si fata sinant“! По этой драмѣ нельзя вполнѣ оцѣнить талантъ Пушкина, хотя и въ ней есть много превосходныхъ деталей, дивныхъ сценъ. Въ особенности продолгъ ея (Пимень и Григорій—Келья въ Чудовомъ монастырѣ) столь своеобразенъ и грандіозенъ, что Мицкевичъ называетъ его единственнымъ въ своемъ родѣ.

туда, не предупредивъ ни друзей, ни властей, и добрался до Арзерума, крайне обезпокоивъ тѣмъ графа Бенкендорфа и чиновъ корпуса жандармовъ. Въ томъ же году, 15-го мая, Мицкевичъ, успѣвшій получить заграничный паспортъ, въ выдачѣ котораго легко могли произойти затрудненія, вслѣдствіе появленія въ печати его поэмы „Валленродъ“, отправился изъ Кронштадта на корабль за границу. Съ тѣхъ поръ поэты никогда не встрѣчались и не переписывались, но помнили другъ друга и вліяли на себя взаимно. Имѣется драгоцѣннѣйшій поэтический матеріалъ, оправдывающій это предположеніе: сохранился одинъ художественный замыселъ, который былъ каждымъ изъ нихъ на свой ладъ обработанъ, но который обязанъ, повидимому, происхожденіемъ дружеской между ними бесѣды. Предметъ бесѣды былъ громаднѣйшій и существеннѣйшій изъ всѣхъ тѣхъ, какіе могли интересоваться и русскихъ, и поляковъ, въ условіяхъ не только 1828 года, но и современныхъ, а именно: критическій взглядъ на личность и дѣятельность Петра Великаго, какъ создателя современной Россіи, сообщившаго ей мощнымъ толчкомъ движеніе, продолжающееся до настоящей минуты. Въ 68-ми стихахъ отрывка: „Памятникъ Петра Великаго“, этотъ критическій взглядъ приписанъ Мицкевичемъ Пушкину, который представлялся разсуждающимъ о памятникѣ лицомъ (*Pielgrzym coś dumał nad Piotra kołosem, — I wieszcz rossyjski tak rzekł cichym głosem*). Подобная же критика дѣятельности Петра составляетъ основу поэмы, не пропущенной при жизни Пушкина цензурою и вошедшей только въ посмертныя изданія его произведеній подъ заглавіемъ: „Мѣдный Всадникъ“. Нѣтъ никакихъ болѣе точныхъ указаній о томъ, какъ родились оба произведенія, кромѣ одной только фразы въ стихотвореніи Мицкевича, влагающей въ уста Пушкину извѣстныя мысли, пробуждаемыя созерцаніемъ памятника. Въ каждомъ поэтическомъ произведеніи совмѣщаются и „Dichtung“, и „Wahrheit“, правда и вымыселъ. Порою не трудно выдѣлать и устранить вымыселъ, послѣ чего можно, хотя бы по теоріи вѣроятностей, заключать о настоящей правдѣ въ произведеніи, которая одна интересуетъ насъ при научномъ изслѣдованіи предмета.

Никто до сихъ поръ не изучалъ обоихъ поэтическихъ произведеній совмѣстно, никто ихъ не сопоставлялъ. Попробуемъ произвести этотъ анализъ, который поможетъ намъ опредѣлить и происхожденіе обѣихъ поэмъ, и взаимное другъ на друга вліяніе двухъ главныхъ, непревзойденныхъ и гениальнѣйшихъ поэтовъ, принадлежащихъ къ двумъ самымъ крупнымъ странамъ племени славянскаго.

II.

Не подлежит сомнѣнiю, что изъ произведенiй поэта можно заимствовать материалы для его жизнеописанiя, но при этомъ заимствованiи слѣдуетъ дѣйствовать крайне осмотрительно, вооружась самою строгою критикою. Всякое умственное творчество есть произвольное сочетанiе данныхъ, либо достоверно извѣстныхъ, либо такихъ, которыя можно логически допустить. Всякое поэтическое творчество состоитъ въ сочетанiи данныхъ, рассчитанномъ на производство наибольшаго эстетическаго впечатлѣнiя, то-есть поражающемъ не столько реальною правдою изображаемаго, о которой поэтъ мало заботится, сколько красотою и правдоподобiемъ изображенiя, опредѣленiемъ изображаемаго сюжета—событiя или образа—такими характерными чертами и особенностями, которыя по самой природѣ вещей должны быть присущи этому событiю или образу. Лучшимъ доказательствомъ того, что изъ поэтическаго описанiя никакъ нельзя заключать о томъ, что дѣйствительно случилось то именно, что описано, могутъ служить отдѣльныя подробности эпизода „Петербургъ“. Лучшiй жизнеописатель Мицкевича, Петръ Хмѣлевскiй (Adam Mickiewicz, *zagrys biograficzno-literacki. 2 tomu. Warszawa. 1886*) сопоставляетъ заглавiе одного изъ отрывковъ эпизода: „Олешкевичъ—канунъ петербургскаго наводненiя 1824 г.“, съ описанною въ этомъ отрывкѣ встрѣчею на берегу Невы Олешкевича съ молодыми путешественниками, въ числѣ которыхъ имѣется и таинственный пилигримъ—двойникъ автора поэмы. Хмѣлевскiй заключаетъ затѣмъ категорически (I, 317), что, выѣхавши изъ Вильны 24-го октября 1824 г., Мицкевичъ прибылъ въ Петербургъ 6-го ноября и былъ очевидцемъ великаго наводненiя 7-го ноября 1824 года. Легко доказать, что основу всего отрывка „Олешкевичъ“ составляетъ чистѣйшiй вымыселъ. Пржецлавскiй (Ципринусъ, „Калейдоскопъ воспоминанiй“. Москва, 1874) утверждаетъ, что онъ встрѣтилъ Мицкевича въ самый день его приѣзда въ Петербургъ, 8-го ноября, слѣдующiй за наводненiемъ, и что затѣмъ 9-го ноября они осматривали наиболѣе опустошенныя части города. Первой встрѣчѣ Мицкевича съ Олешкевичемъ, описанной въ эпизодѣ „Петербургъ“, дана въ поэмѣ слѣдующая обстановка:—царить въ Петербургѣ морозная зима; одинъ изъ одиннадцати странниковъ, пилигримъ (лицо Байроновскаго типа), остался на Дворцовой площади; „онъ стоялъ задумавшись и вперилъ въ дворецъ быстрый взоръ, точно два ножа“—за нимъ слѣдилъ незнакомецъ, который обра-

тился къ нему съ слѣдующими словами:— „я христiанинъ и полякъ; привѣтствую тебя знаменемъ креста и погони“ (рогою—бывшій государственный гербъ вел. кн. литовскаго).

Другой отрывокъ, посвященный Олешкевичу и отнесенный къ кануну наводненiя, написанъ, очевидно, позднѣе. Тутъ оказались тѣ же одиннадцать странниковъ; предъ ними спускается по гранитнымъ ступенямъ на замерзшую рѣку мистикъ „гусларь“, съ фонаремъ и книгою въ рукахъ, и возвращается потомъ съ грозными предсказанiями на устахъ. Одинъ изъ странниковъ слѣдуетъ за Олешкевичемъ, потому что его поразили „голосовой звукъ, таинственные слова... онъ тотчасъ вспомнилъ, что уже слышалъ этотъ звукъ; онъ бѣжалъ опрометью по неизвѣстнымъ путямъ ночью и въ ненастье“... Прибавимъ еще одну любопытную подробность. Самъ Пушкинъ замѣтилъ въ припискѣ къ „Мѣдному Всаднику“: „жалъ только, что описанiе это (наводненiя у Мицкевича)—не точно: снѣгу не было; Нева не была покрыта льдомъ“ (III, 564). Описанiе, дѣйствительно, не соотвѣтствуетъ ни природѣ вещей, ни климатическимъ условiямъ Петербурга. Наводненiя бывають здѣсь только осенью, пока Нева не замерзла—и только при сильномъ западномъ вѣтрѣ, вгоняющемъ воду рѣки въ русло ея по направленiю вспять и останавливающимъ такимъ образомъ ея теченiе. Это простое обстоятельство, которое Мицкевичу не было извѣстно, вполне достаточно для объясненiя неправильности многихъ подробностей въ описанiи, либо лишнихъ, либо очевидно, но безъ всякой видимой причины, невѣрныхъ. Ясно, что Мицкевичъ фантазировалъ и воссоздавалъ воображенiемъ страшное бѣдствiе, которое зналъ только по рассказамъ („Небо горитъ сильнѣйшимъ морозомъ—вдругъ потускнѣло... снѣгъ сталъ таять... вѣтры подняли головы съ полярныхъ льдовъ, точно морскiя чудовища, сѣли верхомъ на волнахъ, сняли съ нихъ оковы. Слышу—морская бездна разнuzдана, она мечется и грызетъ ледяныя“ удила“). Въ этомъ неудачномъ описанiи всего бурьезнѣе похожденiе самого „гусларя“, который изучаетъ приближающееся наводненiе, спускаясь на замерзшую рѣку, опуская въ прорубь веревку съ лотомъ и считая на ней узлы. Всему Петербургу извѣстны неизбѣжныя предвозвѣстники наводненiя: гранитныя ступени спусковъ покрыты водою, вода поднимается до уровня мостовыхъ, бьетъ фонтанами на улицахъ черезъ отверстия водосточныхъ трубъ, между тѣмъ какъ барки на каналахъ подняты до высоты нижнихъ ярусовъ домовъ. То же событiе изображено Пушкинымъ несравненно реальнѣе и съ полнымъ знанiемъ мѣстныхъ условiй, хотя и Пушкинъ изображалъ его только

по наслышкѣ, таеъ какъ во время наводненія онъ находился въ Михайловскомъ.

Нева всю ночь
Рвалась къ морю противъ бури..
. . . . .
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла—гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;..
. . . . .
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась....
. . . . .
. . . . . Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погружень ¹⁾.

Этимъ мы заканчиваемъ пока разборъ наводненія какъ сюжета, затронутого Мицкевичемъ. Оказывается, что въ умѣ поэта произошло сочетаніе въ одну группу двухъ фигуръ: пилигрима, то-есть собственно Конрада Валленрода, перенесеннаго въ XIX вѣкъ, и мистика-пророка Олешкевича; что этой группѣ дана обстановка не реальная, но такая, которая бы лучше всего подходила къ лицу новаго Іезекииля, петербуржца-поляка Олешкевича. Обстановкою служитъ день наканунѣ катастрофы, иными словами, сама природа, свидѣтельствующая о возможности пророческаго предсказанія (*Ran wstrząsnie szczeble assurskiego tronu — Ran wstrząsnie grunty miasta Babilonu*) въ ту самую минуту, когда у странниковъ опускаются въ отчаяніи и головы, и руки, потому что они думаютъ, созерцая эти громады камней: „человѣку ихъ не одолѣть“ (*człowiek ich nie zwali*).

III.

Оставимъ наводненіе и вернемся къ поименованнымъ нами произведеніямъ обоихъ поэтовъ, которыя наматывались точно

¹⁾ Великолѣпный по своей пластичности образъ Тритона-Петербурга навѣявъ, можетъ быть, слѣдующими стихами эпизода „Петербургъ“:

Wenecka stolica
Co wróć na ziemi a do pasa w wodzie
Pływa jak piękna syrena-dziewica,

нити на одинъ и тотъ же предметъ—на бронзовый колоссъ самодержца-реформатора, причѣмъ не будемъ терять изъ виду задачи, нельзя ли изъ самихъ произведеній извлечь какія-нибудь жизнеописательныя данныя? Если бы мы сдѣлали предположеніе, весьма правдоподобное, что двустипіе: „вечеромъ на дождѣ стояли оба юноши, взявшись за руки и подъ однимъ плащемъ“—воспроизводить дѣйствительное событіе, то мы должны, по необходимости, отнести это событіе къ 1828 году, послѣ того, какъ Мицкевичъ—уже извѣстный въ Россіи авторъ „Сонетовъ“ и „Конрада Валленрода“ (изданнаго въ февралѣ, 1828)—распростился съ Москвою, которая ознаменовала отъѣздъ его обѣдомъ и поднесеніемъ ему на память серебряной чаши отъ восьми ¹⁾ русскихъ литераторовъ (конецъ апрѣля, 1828). Бесѣда происходила, по всей вѣроятности, въ одинъ изъ тѣхъ безконечно длящихся на сѣверѣ вечеровъ, когда господствуютъ, по выраженію Пушкина, „прозрачный сумракъ, блескъ безлунный“, и когда всякій предметъ виденъ превосходно, даже издали, въ малѣйшихъ своихъ подробностяхъ. Мы не рѣшаемся утверждать, подобно П. Хмѣлевскому (I, 440), что поэты прикрылись отъ дождя коричневымъ плащемъ, который былъ купленъ Мицкевичемъ въ Одессѣ, потому былъ подаренъ поэтомъ товарищу его, А. Э. Однцу, потому былъ симъ послѣднимъ пожертвованъ въ виленскій музей и неизвѣстно куда послѣ дѣвался. Очень можетъ быть, что плащъ принадлежалъ Пушкину и былъ въ родѣ тѣхъ, которые тогда носились и назывались альмавивами, весьма широкой, весь въ складкахъ, съ откиднымъ воротникомъ и коротенькою пелеринкою. Нынѣ памятникъ совсѣмъ иначе обставленъ: громадная и пустая площадь отъ набережной Невы до Исакиевскаго собора превращена въ садъ; надъ гущей зелени высится лишь верхъ скалы, служащей пьедесталомъ, и на ней всадникъ, вслѣдствіе чего памятникъ производитъ гораздо меньшее впечатлѣніе; къ нему несравненно лучше шла прежняя ширь. Несмотря на эту невыгодную перемѣну, великое твореніе Фальконета поражаетъ могучею энергіею замысла, символическимъ воплощеніемъ въ созданіи искусства глубокой идеи. Пріятель Дидро, человекъ, достигшій высокаго образованія въ лучшей того времени идейной лабораторіи Парижа, литераторъ и философъ, Фальконетъ пытался представить идеальный образъ самовластнаго цивилизатора, безъ удержу несущагося впередъ и одоляющаго всѣ препятствія, противодействующо-

¹⁾ Оба Кирѣевскіе, Баратынскій, Шевыревъ, Елагинъ, С. Соболевскій, Н. Полевой и Рожалинъ.

щія его державной волѣ. Извѣстно, что такой идеаль господствовалъ въ Европѣ въ половинѣ XVIII столѣтія, когда всѣ надежды возлагаемы были на просвѣщенныхъ монарховъ, и когда всѣ думали, что общество можно лѣпить, какъ мягкую глину, что его могутъ преобразовывать по произволу ловкіе пальцы изобрѣтательнаго законодателя. Человѣкъ независимый и не обладавшій качествами придворнаго, Фальконетъ вскорѣ надоѣлъ двору и навлекъ на себя неудовольствіе императрицы, вслѣдствіе чего ему не удалось довести послѣ двѣнадцати-лѣтнихъ работъ (1767—1779) свое произведеніе до конца, до отливки статуи. Скульпторъ долженъ былъ бороться съ безчисленными трудностями, проистекавшими отъ людей, которые портили ему его замыслы, которые настаивали на томъ, чтобы Петру дана была такая же посадка, какая у Марка - Аврелія на памятникѣ послѣдняго на Капитоліѣ, близъ церкви Ara Coeli, или требовали устраненія бесполезно, по ихъ мнѣнію, извивающагося подъ конскими копытами змѣя, или осуждали длиннополую одежду царя, въ которой они усматривали старорусскій кафтанъ, не подходящій къ реформатору, заставившему русскихъ надѣть иностранную форму и всегда носившаго ботфорты, обтянутый мундиръ и треугольную шляпу. Въ письмѣ къ Дидро Фальконетъ объяснялъ (1770), что онъ не надѣлъ на Петра ни историческое его платье, ни римскую тогу, потому что избранная имъ туника и плащъ суть, по его мнѣнію, идеальное одѣяніе героевъ всѣхъ вѣковъ въ скульптурныхъ произведеніяхъ: такъ одѣвались римскіе полководцы и старинные русскіе князья; такъ одѣваются крестьяне на берегахъ Тибра и бурлаки на берегахъ Волги (см. 17-й томъ Сборника Историческаго Общества и 2-ю статью Рамбѣ въ *Revue des deux Mondes*, 1877 г.). Фигура Петра посажена свободно, въ самой естественной и непринужденной позѣ, безъ сѣдла и стремянъ на скачущемъ конѣ; на нее накинута нарядъ неопредѣленнаго времени, но только не римская тога, какъ показалось Мицкевичу (*Car . . . . w todze gzułianina*), незнакомому съ исторіею отдѣлки памятника. Ни въ одномъ изъ произведеній нашихъ поэтовъ, посвященныхъ памятнику, нѣтъ и помину о скульпторѣ и о задачѣ, которую онъ себѣ поставилъ. Вѣроятно, они столь мало о немъ думали, какъ мало помышляютъ о Гомерѣ люди, восхищающіеся Илиадою. Можетъ быть, они и знали очень немного о Фальконетѣ, такъ какъ съ момента открытія памятника прошло тогда уже почти полвѣка (1782). Ихъ интересовало гораздо въ большей степени, какъ отразился памятникъ въ русской поэзіи. Всего вѣроятнѣе, что Пушкинъ

былъ руководителемъ Мицкевича на этомъ поприщѣ и сообщилъ ему четверостишіе современнаго открытію памятника мелкаго стихотворца и журналиста Рубана, вошедшее потомъ во всевозможныя риторики, — стихотвореніе довольно грубое, неуклюжее, отчасти въ стилѣ церковно-славянскихъ виршей, отчасти въ Державинскомъ:

Нерукотворная здѣсь русская гора,
Внявъ гласу Божию изъ устъ Екатерины,
Прешла чрезъ Невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго Петра.

Отсюда Мицкевичъ выкинулъ слова лесты по адресу императрицы, но усвоилъ себѣ представленіе о ея матеріальномъ могуществѣ и создалъ образъ, весьма красивый, характеризующій и самого Петра: „Царю Петру не пригодно стоять на собственной землѣ; въ отечествѣ ему не такъ, какъ слѣдуетъ, просторно, почву для него рѣшено добыть заморскую. Велѣно вырвать изъ финскихъ береговъ гранитный холмъ, который по слову владычицы плыветъ по морю и бѣжитъ по сушѣ и падаетъ навзничъ въ городѣ передъ царицей“. Въ центральномъ мѣстѣ произведенія Мицкевича сопоставлены имъ, какъ контрасты, и статуи. и идеальныя личности Марка-Аврелія и Петра Великаго. Самъ Фальконетъ сознавалъ, что эти два героя крайне другъ на друга непохожи, когда, опровергая предложенія Бецкаго, онъ объяснялъ въ 1768 году императрицѣ, что статуя Марка-Аврелія прилична Марку-Аврелію, а статуя другого лица должна быть прилична другому.

Настоящій западникъ и истый латинянинъ, Мицкевичъ рѣшительно преклоняется предъ Маркомъ-Авреліемъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ статуѣ, — то-есть, предъ кроткимъ правителемъ и миротворцемъ, возвращающимся на Капитолій по усмиреніи внѣшнихъ враговъ:

„Прекрасенъ ликъ его, кроткій и благородный, на лицѣ сіяетъ мысль о благѣ государства. Руку одну онъ тихо поднялъ, какъ будто бы хотѣлъ благословить толпы своихъ подданныхъ. Другою рукою, опущенною на бразды, онъ укрощаетъ порывъ своего коня. Чувствуешь, что много народу стояло на пути, и что народъ кричалъ: возвращается отецъ нашъ, Кесарь! Кесарь желаетъ тихо пробѣжать между толпящимися и всѣхъ пожаловать отеческимъ поклономъ. Конь оцетинилъ гриву, мечетъ огонь изъ глазъ, но знаетъ, что везетъ любимѣйшаго гостя — и везетъ отца миллионъ дѣтей — и самъ сдерживаетъ свою прыть и живость. Дѣтямъ дано' подойти къ отцу, глядѣть на него. Конь идетъ мѣрно, ша-

гомъ, по ровному пути — угадываетъ, что онъ идетъ въ безсмертіе“.

Вся прелесть стиховъ пропадаетъ, конечно, въ этой прозаической передачѣ; тѣмъ не менѣе описаніе статуи даже и въ прозѣ столь живо, столь пластично, что мы должны перенести моментъ возникновенія его съ 1828 г. въ другую, позднѣйшую эпоху; оно могло быть написано только послѣ того, какъ Мицкевичъ наслаждался самъ лично красотой подлинника, то-есть когда побывалъ самъ въ Римѣ—въ 1830 и 1831 годахъ. Замѣтимъ, что и Пушкинъ, которому приписано приведенное выше описаніе памятника М.-Аврелія, никогда не былъ въ Римѣ и, слѣдовательно, не видалъ подлинника.

Характеристика Петра Великаго гораздо короче; она вся въ шести стихахъ:

„Царь Петръ попустилъ бразды лошади. Видно, летѣлъ онъ, топча все на пути. Сразу вскочилъ онъ на самый край скалы. Бѣспенный конь уже приподнял копыта, — царемъ не удерживаемый, конь ссережещеть, кусая удила. Чувствуешь, что онъ полетитъ и разобьется въ дребезги“...

Что касается до этой характеристики, приписываемой тоже Пушкину, то надобно обратить вниманіе, что Пушкинъ читалъ третью часть „Дѣдовъ“ и „Петербургъ“ уже послѣ того, какъ произошла значительная перемѣна и въ его политическихъ взглядахъ, и въ его народническихъ чувствахъ; что онъ подвергъ критикѣ однѣ только мелкія подробности наводненія, но не отрицалъ прямо приписанныхъ ему Мицкевичемъ взглядовъ (поговорка говоритъ: *qui tacet, consentire videtur*); что главную мысль Мицкевича онъ, съ своей стороны, воспроизвелъ, изобразивъ ее въ еще болѣе богатой формѣ, одушевленной чувствомъ болѣе сердечнымъ, чувствомъ руссаго, воспитаннаго въ благоговѣйномъ поклоненіи своему народному герою. Пушкинъ выбралъ для своей повѣсти время позднѣе катастрофы, а именно осень года, слѣдовавшаго за наводненіемъ. Уже нѣтъ болѣе тѣхъ „хищныхъ волнъ“, которыя „толпились, бунтуя грозно верругъ его“. Остался неподвиженъ, на своей скалѣ, только тотъ, „чьей волей роковой—надъ моремъ городъ основался“:

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семь конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?

О, мощный властелинъ судьбы!
 Не такъ ли ты надъ самой бездною,
 На высотѣ, удой желѣзной
 Россію вадернулъ на дыбы?

Намъ приходится теперь отыскать общія черты, присущія обоимъ произведеніямъ, сходные въ обоихъ сужденія и взгляды, и отыскать, кому изъ двухъ поэтовъ принадлежитъ починъ въ этихъ взглядахъ на Петра Великаго. Мы должны теперь поближе изучить основу и содержаніе обоихъ произведеній.

IV.

Мицкевичъ жилъ въ такомъ вѣкѣ и принадлежалъ къ такой народности, что онъ могъ только удивляться Петру В., но не могъ никакъ его любить и имъ восхищаться. Существовалъ много-вѣковой антагонизмъ между римско-католическою Польшею и отдаленною отъ моря и Европы византійскою Мосевою. Побѣдивъ шведовъ, Петръ склонилъ сразу въ свою сторону вѣсы и сталъ вдругъ преобладающимъ на Востокѣ государемъ, располагающимъ почти по произволу будущей судьбою Польши. Было замѣчено Европою, что послѣ полтавскаго сраженія Петръ — *war considerable in Europa geworden* (Brückner, „Peter der Grosse“, во Всеобщей Исторіи изд. Oncken'a, S. 416). Уже въ 1709 король прусскій былъ занятъ мыслью о раздѣлѣ Польши, которую внушала Петру въ Мариенвердерѣ. Въ то время, какъ Польша опускалась въ бездну по наклонной плоскости безначалія, тѣмъ временемъ повышалась Россія и дошла до самой вершины могущества и славы. Она возвысилась, главнымъ образомъ, потому, что Петръ двинулъ ее впередъ и далъ ей европейское образованіе (Mick.: Pierwszy on odkrył tę ścieżkę, Piotr wskazał ścieżkę do wielkości drogi — I rzekł: Rosyję europejszycy mogą). Очень естественно, что, по понятіямъ Мицкевича, то не была цивилизація, а только призракъ цивилизаціи, вѣшній лоскъ на сыромъ корню, на степной, полу-восточной подкладкѣ. Такія сужденія о тогдашней Россіи сочетались въ умѣ Мицкевича съ его коренными убѣжденіями, красною нитью проходившими по всѣмъ его произведеніямъ, объ отрицательномъ и демоническомъ элементѣ въ исторіи, о легкости сочетаній — по химическому, такъ сказать, сродству — безпредѣльнаго и не знающаго препона деспотизма со всѣми жадно усвоиваемыми имъ изобрѣтеніями въ области научнаго знанія и техники, съ тончайшимъ аналитическимъ умомъ. Ученѣйшіе въ своихъ отрасляхъ знанія люди

содѣйствуютъ сенатору Новосильцеву въ третьей части „Дѣдовъ“; при генералѣ, командующемъ въ Краковѣ, — въ драмѣ „Барскіе Конфедераты“, — состоитъ на службѣ политическій агентъ, докторъ-философъ. Извѣстно, что на этой канвѣ была выпита фантастическая „Исторія будущаго“, писанная Мицкевичемъ въ Петербургѣ, въ которой были восходящія до 1828 г. предсказанія объ измѣненіи европейскихъ политическихъ отношеній вслѣдствіе развитія желѣзнодорожной сѣти и изобрѣтенія телеграфовъ. Кончался этотъ фантастическій рассказъ полнымъ торжествомъ Азии и китайцевъ надъ европейцами. Въ лекціяхъ Мицкевича о славянскихъ литературахъ взглядъ на реформу Петра остался тотъ же, но въ характеристикѣ реформатора прибавилась еще одна черта — усмотрѣнное сходство его съ монтаньярами французскаго конвента: и тотъ, и другіе были философы, рационалисты, но по темпераменту вполне революціонеры. Привожу слова 48-й лекціи: „Pierre le Grand, bien supérieur à ces deux monarques (Louis XIV et Charles XII), plus froid que Gengis Chan, n'avait qu'une seule idée: celle de dominer. Il représentait l'orgueil du siècle, il précédait et devançait la Convention. . La réforme russe et la révolution terroriste de la France s'expliquent mutuellement“. Кромѣ такого сравненія, едва ли есть въ характеристикѣ Петра, сдѣланной Мицкевичемъ, хотя бы одна черта, которая могла бы быть заимствована у Пушкина; напротивъ того, послѣдніе стихи отрывка таковы, что едва ли бы могъ Пушкинъ произнести нѣчто подобное. Мицкевичъ сравнилъ скачущаго, но не падающаго со скалы всадника — съ замерзшимъ горнымъ водопадомъ, повисшимъ надъ бездною, и заключилъ стихотвореніе такимъ образомъ:

Lecz skoro słońce swobody zahłyśnie,
J wiatr zachodni ogrzeje te państwa—
I coś się stanie z kaskadą tyraństwa?..

Бѣшеный конь, кусающій удила, застывшій водопадъ и повисшій надъ пропастью — это вѣдь сама Россія. Не могъ допустить русскій патріотъ, что этотъ конь разлетится въ дребезги; что весь каскадъ растаетъ; что весь періодъ реформъ Петра долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, не бывшимъ, долженъ быть вычеркнутъ изъ исторіи; что вся реформа была, такъ сказать, навыворотъ; что, начинаясь съ бороды и платья, она нисколько не вліяла на улучшеніе нравственности человѣка; что отъ нея останутся одни лишь развалины, Здѣсь-то именно и было то горное ущелье, изъ котораго вырывалась струя воды, на-вѣки раздѣлившая двѣ скалы, — разсѣлина, столь глубокая, что по инстинкту чувствовали ея непроходимость оба поэта, но они такъ и не видали

никогда дна раздѣлившей ихъ пропасти. Такимъ образомъ, слова, будто бы Пушкинскія, въ произведеніи Мицкевича суть только выраженіе собственныхъ убѣжденій Мицкевича, и только вслѣдствіе *licentia poetica* вложены въ уста Пушкину. Отнесеніе ихъ къ Пушкину увеличивало вѣсъ и значеніе сужденій о преобразователѣ, потому что они якобы шли отъ потомка тѣхъ русскихъ, посредствомъ которыхъ царь Петръ и „сотворилъ свои чудеса“. Замѣтимъ еще, что Мицкевичъ поступалъ въ этомъ случаѣ добросовѣстно, будучи убѣжденъ, что Пушкинъ не можетъ раздѣлять взглядовъ на Петра В., разсматриваемаго съ общеевропейской и, какъ Мицкевичу казалось, общечеловѣческой точки зрѣнія.

Теперь мы можемъ перейти къ изученію происхожденія поэмы Пушкина. П. Бартенева передаетъ (Русскій Архивъ, 1877, № 8, стр. 424) рассказъ, слышанный имъ отъ С. Соболевскаго и переданный Пушкину графомъ М. Ю. Вѣльгорскимъ, слѣдующаго содержанія. Въ 1812 году существовало опасеніе, что Наполеонъ пойдетъ на Петербургъ, вслѣдствіе чего изъ сѣверной столицы вывозимы были, по распоряженію правительства, всякія драгоценности; были даже ассигнованы суммы на снятіе и вывозку статуи Петра. Нѣкто, майоръ Батурина, явившись къ статсъ-секретарю и оберъ-прокурору правительствующаго синода А. Н. Голицыну, рассказалъ ему свой нѣсколько разъ повторившійся сонъ. Снилось Батурина, что онъ стоитъ на сенатской площади, что статуя державнаго всадника поворачиваетъ, сбѣзжаетъ со скалы и скачетъ, звеня по мостовой копытами, по направленію въ Каменному острову, гдѣ жилъ тогда государь Александръ Павловичъ. „Молодой человѣкъ! — сказалъ великанъ вышедшему на встрѣчу государю, — до чего довелъ ты Россію? Но, покамѣстъ я на мѣстѣ, городу нечего опасаться“. Съ этими словами всадникъ опять повернулся и пошелъ на свой обычный постъ на скалѣ. Мистикъ Голицынъ послѣдовалъ съ докладомъ о сновидѣніи Батурина къ императору, который приказалъ Петра съ его скалы не трогать. Очень вѣроятно, что изъ этого-то разсказа Пушкинъ заимствовалъ самыя сильныя и наиболѣе образныя черты своей повѣсти (... „какъ будто грома грохотанье, тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой... За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.“). Эти характерныя черты сочетались у Пушкина не съ патріотическими воспоминаніями 1812, но съ народнымъ бѣдствіемъ наводненія 1824 года. По замыслу Пушкина, однимъ изъ лицъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ бѣдствія, былъ мелкій чиновникъ, самый обыкновенный человѣкъ. Мимоходомъ Пушкинъ, не называя этого канцеляриста изъ зачудалыхъ

дворянъ даже по фамиліи, обронилъ слѣдующія слова о его прозваніи: оно, быть можетъ, „въ минувши времена блистало, и подъ перомъ Карамзина въ родныхъ преданьяхъ прозвучало“... а теперь, однако, забыто. Безфамильный приказный живетъ въ Коломенской части, исправно ходитъ на службу въ канцелярію и постоянно мечтаетъ объ убогой дѣвушкѣ, съ которою онъ помолвленъ и которая живетъ въ дальнѣйшихъ мѣстахъ Васильевскаго Острова, гдѣ-то близъ Галерной Гавани, въ старомъ домикѣ подъ ивою. Пришло наводненіе: канцеляристъ метался во всѣ стороны, какъ бѣшенный, въ смертельномъ безпокойствѣ о судьбѣ невѣсты, взбирался на одного изъ тѣхъ мраморныхъ львовъ сторожевыхъ, которыми украшено крыльцо бывшаго дома Лобанова, нынѣ военнаго министерства, глядѣлъ съ отчаяніемъ на разливъ, между тѣмъ какъ дождь хлесталъ ему въ лицо, а вѣтеръ сорвалъ шляпу. На слѣдующій день нашъ канцеляристъ переѣзжаетъ въ лодкѣ Неву, направляется къ домику невѣсты, но, увы! тамъ стоитъ только ива, а домикъ и строенія снесены волнами безслѣдно. Бѣднякъ сошелъ съ ума, пересталъ бывать въ канцеляріи, спалъ на пристани, питался подаяніемъ, ходилъ въ лохмотьяхъ. Осенью слѣдующаго года онъ забрелъ на Сенатскую площадь, къ гиганту на бронзовомъ конѣ. Вскипѣла въ немъ кровь, помутились глаза, стиснулись зубы, и, поднявъ кулакъ, помѣшанный сталъ хулить грознаго царя. „Добро, строитель чудотворный!.. Уждь тебѣ!“... Въ ту самую минуту у мѣднаго гиганта возгорѣлись гнѣвомъ очи, и всадникъ поскакалъ, простерши руку, въ выпинѣ, преслѣдуя убѣгающаго хулителя. Трупъ безумца отысканъ былъ на взморьѣ, на безлюдномъ острову, возлѣ отысканныхъ имъ остатковъ домика невѣсты. Такова въ своей теперешней редакціи, отличающейся необыкновенною простотою, эта—не то идиллія канцелярская, не то элегія, въ которую попалъ грозный царь совершенно случайно и даже напрасно, такъ какъ мало ли что можетъ взбрести на умъ помѣшанному. Имѣются, однако, свѣденія, что цѣнный камень имѣлъ совсѣмъ иной видъ, прежде нежели былъ окончательно отшлифованъ, и что достоинство его было гораздо выше. Князь Петръ Петровичъ Вяземскій, сынъ близкаго друга обоихъ поэтовъ, пишетъ слѣдующее (Р. Арх. 1884, № 4, стр. 430: „Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива, 1826—1837“): „неизгладимое впечатлѣніе произвелъ монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ Мѣднымъ Всадникомъ, содержащій около тридцати стиховъ. Не вѣрится, чтобы онъ не сохранился въ цѣлости. Въ бумагахъ моего отца монологъ не сохранился, весьма можетъ быть, потому, что въ немъ слишкомъ энергически звучала

ненависть къ европейской цивилизаціи. Мнѣ все кажется, что великолѣпный монологъ таятся вслѣдствіе какихъ-либо тенденціозныхъ соображеній, ибо трудно допустить, чтобы изо всѣхъ людей, слышавшихъ проклятыя, никто не попросилъ Пушкина дать списать эти тридцать-сорокъ стиховъ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что длинный монологъ съ проклятіями никакъ не шелъ къ безродному и ничтожнѣйшему приказному, къ этому *homme de rien*. Самъ канцеляристъ имѣлъ иной видъ передъ окончательною отдѣлкою поэмы, видъ непохожій на истертую монету. Его звали Езерскимъ; онъ былъ потомокъ людей, бывшихъ „и въ войскѣ, и въ совѣтѣ, на воеводствѣ и въ отвѣтѣ“. Пушкинъ занимался сочиненіемъ „Родословной моего героя“. Это сатирическое стихотвореніе начиналось съ генеалогіи героя и пересыпано было колкими упреками по адресу настоящаго времени:

Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,
Мстиславъ, князь Курбскій иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ,—
Вамъ все равно. Конечно, такъ.
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямого просвѣщенья ради,
Гордись (какъ общей пользы другъ)
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ. (III, 550.)

Дѣдъ Езерскаго имѣлъ 12,000 душъ; отецъ разорился, вслѣдствіе чего Езерскій „жалованьемъ жилъ и регистраторомъ служилъ“. Въ драмѣ Сигизмунда Красинскаго: „Иридіонъ“, есть одно дѣйствіе, въ которомъ герой драмы, заклятый врагъ Рима, завербовалъ въ свою дружину, на погибель „вѣчному городу“, гладиатора, кроющаго подъ неказистымъ именемъ Спора свое настоящее происхожденіе отъ древнихъ Сципіоновъ. Хотя подобныхъ чувствъ и не питаетъ Езерскій, захудалый потомокъ московскихъ бояръ, однако и онъ, какъ озлобленный червякъ, способенъ роптать на судьбу и доискиваться виновника несчастнаго его положенія. Весьма справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ („Идеалы Пушкина“, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1880, № 6, стр. 613): „коломенскій чиновникъ осмѣливается укорять великаго императора во всѣхъ своихъ несчастіяхъ и даже посвящаетъ на угрозу передъ бронзовымъ ликомъ его, въ которомъ онъ внезапно отрываетъ того человѣка, который лишилъ его фамилію граждан-

скаго значенія, низвелъ его самого въ бездольные служаки и косвенно настигъ, даже послѣ своей смерти въ послѣднемъ его убѣжищѣ—сердечномъ счастьи, унесенномъ наводненіемъ въ основанномъ имъ Петербургѣ.. Въ этомъ нелѣпомъ: „уждъ тебѣ!“ безумецъ выразилъ промелькнувшую въ его головѣ мысль о возможности найти еще судъ въ потомствѣ и передѣлать приговоръ, давшій такую славу и значеніе имени грознаго реформатора. Мѣдный Всадникъ, погнавшійся за нимъ, точно угадалъ его тайную мысль! Первоначальный замыселъ повѣсти не могъ бы помѣститься въ тѣсныхъ рамкахъ идилліи, онъ былъ круше и смахивалъ на эпопею. Первоначальный замыселъ тѣмъ большее имѣетъ для насъ значеніе, что коломенскій чиновникъ и Езерскій—это одно лицо; мало того: и чиновникъ, и Езерскій суть двойники самого Пушкина, который признается самъ (въ вариантахъ къ VI строфѣ „Родословной моего героя“: III, 548):

„Могучихъ предковъ правнукъ бѣдный,
Люблю встрѣчать ихъ имена
Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина:
Отъ этой слабости безвредной
Какъ ни старался, видитъ Богъ,
Отвыкнуть я никакъ не могъ“.

Въ теченіе всей своей жизни Пушкинъ искалъ предковъ по лѣтописямъ и старымъ документамъ, поэтизировалъ всякими средствами предка по матери—негра Ганнибала. Это стремленіе обозначилось подъ конецъ жизни до того сильно и рельефно, что впоследствии времени поставленъ былъ вопросъ: точно ли онъ народный поэтъ? не есть ли онъ только представитель одного лишь русскаго дворянства въ періодъ исторіи, начавшійся съ Петра, періодъ, въ теченіе котораго интеллигенція была исключительно дворянская, лишенная настоящей любви къ народу, лишенная способности ощущать его потребности, не сознающая того, что кроется подъ верхнимъ слоемъ общества, разрыхленнымъ посредствомъ цивилизаціи? На зло новому, свѣжеиспеченному дворянству по чину, ордену, новой аристократіи, образовавшейся изъ случайныхъ временщиковъ, Пушкинъ, самъ себя называющій („Моя родословная“, II, 107): „родовъ униженныхъ обломковъ.... бояръ старинныхъ я потомокъ“, иронически и демонстративно отрекается отъ своего дворянскаго происхожденія, лишь бы не стать на одной доскѣ съ вновь возведенными въ дворянское достоинство, предпочитаетъ приобщиться къ tiers-état, предпочитаетъ записаться въ совсѣмъ неподходящее и несуществующее въ Россіи званіе: „я мѣщанинъ“, то-есть „bourgeois“

въ французскомъ смыслѣ этого слова. „Древне-русское дворянство,—пишетъ онъ въ 1829 г. (Разговоръ вечеромъ на раутѣ, IV, 367),—у насъ въ неизвѣстности и составило родъ третьяго сословія. Благородная чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ своими родоначальниками Рюрика и Мономаха, но настоящая наша аристократія съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда“. „Моя родословная“, Пушкина, якобы „вольное подражаніе Байрону“, писанная 6-го сентября въ Болдинѣ, повторяетъ на всѣ лады одно: куда-жъ мнѣ быть аристократомъ!—Я, слава Богу, мѣщанинъ. Эта „Моя родословная“ 1830 г. составляетъ первоначальный набросокъ того, что потомъ, въ предѣлѣхъ 1836 года, въ недоконченномъ отрывкѣ сатирической поэмы озаглавлено: „Родословная моего героя“, т.-е. Езерскаго. „Родословная“ же Езерскаго должна была составлять основаніе поэмы „Мѣдный Всадникъ“; а нынѣ она является покинутымъ и забракованнымъ его началомъ, такъ какъ въ переписанной для цензуры рукописи поэмы, помѣченной 31-го октября 1833 г., Езерскій уже исчезъ, и вмѣсто него поставленъ какой-то малохарактерный и почти безличный, безфамилный канцеляристъ. Послѣдовало, значить, весьма большое сокращеніе, если не самой темы, то первоначальнаго замысла ея, сопровождаемое пониженіемъ и сильнымъ утоненіемъ общественнаго элемента въ произведеніи, вслѣдствіе чего самый сюжетъ сталъ неясенъ, загадоченъ, какъ будто бы что-то въ поэмѣ не досказано. Послѣ прочтенія произведенія читатель поставленъ въ недоумѣніе, какова основная мысль автора: прославленіе памяти Петра или осужденіе, апоэозъ или хула? Вникая въ причины такого сокращенія въ самомъ первичномъ замыслѣ поэмы, мы приходимъ къ цѣлому ряду любопытныхъ выводовъ и предположеній, которые во всякомъ случаѣ заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться.

V.

П. В. Анненковъ полагалъ (Матеріалы для біографіи Пушкина, 2 изд. 1873, стр. 375), что сведеніе до minimum'a первоначальной идеи поэта произошло по побужденіямъ, имѣющимъ свой источникъ только въ эстетическомъ чутьѣ Пушкина. Образные элементы поэмы—наводненіе и скачущій колосъ—измельчали бы и ступевались, сдѣлались бы мало эффектны, если бы на первый планъ выдвинулось поношеніе Петра, резонированіе. Всякое возвеличеніе Езерскаго, всякое подробное изображеніе

родовыхъ характерныхъ линій его фізіономіи умалило бы размѣры мѣднаго гиганта. Надо было, по началамъ эстетики, сдѣлать дѣйствующее лицо неважнымъ человѣкомъ, поставить его въ туманѣ, окружить его сѣрымъ полусвѣтомъ. Предметъ поэмы — собственно не люди, а сама катастрофа, которая одна и должна занимать неразвлекаемаго ничѣмъ читателя.

Рядомъ съ этою до извѣстной степени правдоподобною причиною можно бы еще съ бѣльшимъ основаніемъ поставить другую, совершенно внѣшнюю, а именно, современныя созданію поэмы тогдашнія *условія печати*. Съ того самаго, весьма памятнаго для Пушкина, числа 8-го сентября 1826 г., когда онъ былъ привезенъ съ фельдъегеремъ въ Москву, Пушкинъ предсталъ, безъ перемѣны костюма, въ дорожномъ платьѣ, передъ императоромъ Николаемъ; когда сей послѣдній милостиво разрѣшилъ ему жить гдѣ угодно и писать и изъявилъ свою волю быть его цензоромъ, положеніе Пушкина, какъ поэта, стало несравненно труднѣе, нравственно отвѣтственнѣе и несвободнѣе; то было положеніе птички, заключенной въ просторной золоченой клеткѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что условія того времени становились съ каждымъ годомъ неблагопріятнѣе для писателей. Жизнь общественная въ Россіи отличалась крайне своеобразнымъ ритмомъ; она совершалась внезапными скачками, которые отдѣляются длинными промежутками застоя. Если бы хотѣли изобразить графически волны этого движенія, то оказалось бы, что каждая волна подымается почти перпендикулярно, но опускается потомъ по длинной наклонной линіи. Тотчасъ послѣ вѣнскаго конгресса 1815 г. обрисовалась реакція, когда колеблющійся духъ російскаго Агамемнона сильно обезпокоенъ былъ распространеніемъ либеральныхъ идей, точно заразною болѣзною, проникающею къ намъ изъ западной Европы, и зарожденіемъ тайныхъ обществъ. Реакція, которую круто повели сначала обскуранты и мистики, стала, послѣ вступленія на престолъ императора Николая, хладнокровнѣе, осмотрительнѣе, систематичнѣе, получила характеръ болѣе правительственный и полицейскій. Правительство во все вмѣшивалось, обязывало преподавать предметы на каеэдрахъ въ извѣстномъ духѣ, покровительствовало извѣстными направленіямъ въ литературѣ и искусствѣ, или преслѣдовало ихъ, или приказывало замолчать расходившимся и полемизирующимъ противникамъ. Оно требовало, чтобы самый патріотизмъ соблюдалъ мѣру и не выходилъ изъ надлежащихъ, по усмотрѣнію власти, границъ. Дѣйствіе правительства не вызывало, въ теченіе весьма долгаго времени, никакого противодѣйствія со стороны

народной интеллигенціи. Среди дремоты и всеобщаго мертвеннаго застоя высились авторитеты, окруженные почти боготвореніемъ со стороны публики. Ихъ нельзя было даже и разбирать, потому что всякаго смѣльчака, который бы попробовалъ критически отнестись, преслѣдовала бы сама періодическая печать и указала бы на него правительству какъ на вольнодумца. Такимъ колоссальнымъ авторитетомъ, въ области исторіи и политики, былъ, въ то время, Карамзинъ (ум. 1826), нѣвогда страстный поклонникъ западной Европы, а позже сильно измѣнившійся въ убѣжденіяхъ, врагъ новизны, противникъ реформъ. Какимъ тяжелымъ бременемъ ложился на современниковъ каждый авторитетъ и какъ стѣснялъ онъ свободу историческаго изслѣдованія, это можетъ объяснить курьезный документъ во 2-мъ томѣ полнаго изданія сочиненій кн. П. А. Вяземскаго (Спб., 1879, стр. 214), а именно: письмо его, писанное въ 1836 г. къ министру народнаго просвѣщенія, С. С. Уварову, какъ главному начальнику цензуры. Князь Вяземскій, человѣкъ несомнѣнно просвѣщенный и считавшій себя либеральнымъ, жалуется министру на то, что онъ допускаетъ съ учебныхъ каедръ и въ пропускаемыхъ цензорами журналахъ статьи, критикующія „твореніе Карамзина, эту единственную въ Россіи книгу, истинно государственную и народную, и монархическую, и чрезъ то самое поощряетъ черную шайку разрушителей или ломщиковъ, которые только того и добиваются, чтобы можно было провозгласить: *у насъ нѣтъ исторіи*“. Князь Вяземскій обличаетъ, такимъ образомъ, два журнала, оба московскіе: „Телеграфъ“ и „Телескопъ“, изъ которыхъ первый, издаваемый Н. Полевымъ, за то, что помѣстилъ критику исторіи Карамзина, написанную Лелевелемъ, котораго мнѣнія и духъ, по словамъ самого Вяземскаго, раскрылись много лѣтъ потомъ, въ дни польскаго мятежа, а второй журналъ обвиняемъ былъ за помѣщеніе извѣстнаго *Философическаго письма* Чаадаева. — Независимо отъ журналовъ, Вяземскій указывалъ еще на профессора петербургскаго университета, Устрялова, который позволилъ себѣ „вывести на одну доску—Карамзина и Полевого, стройное твореніе одного и недоносокъ другого“ (Исторія русскаго народа, Н. Полевого), и притомъ изложилъ ихъ взгляды „столь двусмысленно или просто сбивчиво, что по истинѣ не знаешь, кому изъ двухъ онъ даетъ преимущество“. Князь Вяземскій убѣжденъ, что правительство должно покровительствовать одну *зиждательную* силу, а ничего *зиждательнаго* нѣтъ въ томъ историческомъ протестантизмѣ, который осушаетъ источники вѣрованій и преданій и, увлекаясь нелѣпою фразеологіею *высшихъ взглядовъ, потребностей и*

духа времени, создаетъ какую-то *подвижную исторію*, по измѣненіямъ образа мыслей и страстей, и переходитъ къ современному *нигилизму* ¹⁾). Для полноты оцѣнки взглядовъ кн. Вяземскаго слѣдуетъ замѣтить, что Карамзинъ былъ не только историкъ, но и публицистъ, былъ лицо, занимавшее до смерти своей положеніе, похожее на то, какое занималъ въ недавнія времена Иванъ Аксаковъ. Извѣстно, что Карамзинъ въ свое время былъ поборникомъ принципа самодержавія болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ само правительство и самъ монархъ. Увлеченіе князя Вяземскаго было столь велико, что, по его словамъ, „самое 14-е декабря“ было не что иное, какъ „критика вооруженною рукою мнѣнія, исповѣдуемаго Карамзинымъ, то-есть исторіи Государства Россійскаго“.— До конца своей жизни кн. Вяземскій, однако, сочувствовалъ полякамъ, языкъ и литературу ихъ онъ основательно зналъ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ средѣ польскаго общества, въ Варшавѣ, при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Онъ самъ себя считалъ, не безъ основанія, европейцемъ и прогрессистомъ. Никакой злой умыселъ не руководилъ имъ при написаніи письма къ Уварову, никакой личной цѣли не достигалъ онъ посредствомъ этого письма. Наконецъ, замѣтимъ, что само письмо показано было Пушкину авторомъ до отсылки его по назначенію, и Пушкинъ одобрилъ его, за исключеніемъ фразы о 14-мъ декабря, противъ которой онъ поставилъ замѣтку: „не лишнее ли?“ — Легко понять, что, при тогдашнемъ всеобщемъ умственномъ застоѣ, при полной политической незрѣлости, при хаотическомъ броженіи и невыработкѣ простѣйшихъ понятій о лучшихъ порядкахъ, обстоятельства не благопріятствовали трезвому изслѣдованію исторіи, не только новѣйшей, но даже и древне-московской. Документъ въ родѣ вышеприведеннаго, и притомъ исходящій отъ столь хорошаго вообще и передового человѣка, какимъ былъ кн. Вяземскій, болѣе поучителенъ, нежели цѣлые томы, и превосходно освѣщаетъ и духъ тогдашняго времени, и настроеніе общества. Что касается до новѣйшей исторіи русской послѣ Петра, то великаго царя и великую царицу позволяемо было только прославлять, но порицать никакъ и никому не подобало. Къ числу строго запрещенныхъ сочиненій принадлежала, въ то время, даже и извѣстная записка Карамзина: „О древней и новой Россіи“, въ которой историкъ, относясь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ Петру В., упрекалъ его только слегка за пренебреженіе своей собственной

¹⁾ Кличку изобрѣлъ, какъ извѣстно, Надеждинъ; Вяземскій ее только повторилъ.

народности, за пристрастіе къ иноземному. Отъ Пушкина, которому съ іюня 1831 г. открыты были, для собранія матеріаловъ по исторіи царствованія Петра, государственные архивы, и правительство, и публика ожидали одного только апофеоза. Не только указанное пятно на памяти царя, но даже малѣйшая тѣнь, брошенная на него историкомъ, была бы признана за осверненіе и вызвала бы полное и общее негодованіе. Какъ ни охорашивалъ Петра Пушкинъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, какъ ни занавѣшивалъ онъ основную мысль поэмы, несмотря на то, цензура не разрѣшила ему при жизни его поэмы къ напечатанію.

VI.

Вполнѣ признавая всю вѣскость двухъ разобранныхъ нами причинъ, повліявшихъ на то, что основная идея „Мѣднаго Всадника“ не была вполнѣ ясно и достаточно прозрачно высказана, а именно: *эстетическаго* чувства и *внѣшнихъ препятствій*, между которыми на первомъ планѣ стояла тогдашняя цензура, мы должны отмѣтить еще и третью причину, можетъ быть, самую крупную, обусловившую загадочность произведенія, подобнаго вопросительному знаку. Только въ самые послѣдніе годы своей жизни, — слѣдовательно, гораздо позже своего знакомства съ Мицкевичемъ, Пушкинъ сильно поколебался въ своихъ политическихъ и общественныхъ убѣжденіяхъ, въ своихъ взглядахъ на совершенство Петровскихъ реформъ, въ своихъ съ дѣтства взлелѣянныхъ идеалахъ, но не дошелъ, однако, до коренного пересозданія этихъ идеаловъ. Въ немъ зародились только нѣкоторыя сомнѣнія относительно обожаемаго имъ съ молодости реформатора, усмотрѣны только сильныя противорѣчія въ этой натурѣ, удивительная смѣсь добра и зла. Противорѣчій этихъ онъ не согласовалъ, не одолялъ; онъ съ мощною личностью не совладалъ; въ концѣ концовъ, это лицо такъ и осталось для него неразгаданнымъ сфинксомъ. Это обстоятельство было весьма подробно и толково разобрано П. В. Анненковымъ въ его трудѣ объ „Общественныхъ идеалахъ Пушкина“ („Вѣстникъ Европы“, 1880, № 8). Броженіе въ области политическихъ понятій у Пушкина и перерожденіе идеаловъ Анненковъ относитъ къ двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, къ тому, что подъ конецъ жизни Пушкинъ сталъ болѣе, чѣмъ смолоду, аристократомъ, что такой аристократизмъ во вкусѣ и привычкахъ повелъ и къ усиленному развитію аристократизма въ идеяхъ; и, во-вторыхъ, тому, что, вступивъ въ архивы, Пушкинъ

дотронулся собственноручно до источниковъ, свидѣтельствующихъ о величїи реформатора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасающихъ, такъ какъ изъ этихъ документовъ струилась и капала кровь почти на каждомъ ихъ листѣ. Извѣстно, что съ лѣтами стираются воспоминанія тяжелыя и мучительныя, а если смотрѣть издали, лѣтъ сто послѣ событій, то остаются въ виду только окончательныя и общіе результаты крупной дѣятельности политика. Все, что предшествовало Петру, почти совсѣмъ было уже позабыто въ началѣ XIX вѣка; оно было закрыто сказочною и полумифическою фігурою великана, обладающаго сверхъестественною силою; казалось, какъ будто бы съ него только и начинается русская исторія. Пушкинъ записалъ въ остаткахъ своей „автобіографіи“ (V, 40), что когда онъ познакомился въ 1818 г. съ первыми восемью томами появившейся тогда „Исторіи“ Карамзина, то ему показала она откровеніемъ: „древняя Россія найдена Карамзинимъ, какъ Америка Колумбомъ“. Пушкинъ не только былъ воспитанъ въ чувствахъ полнаго уваженія къ памяти Петра, но онъ не могъ еще не дорожить, какъ поэтъ, тѣмъ, что въ сказаніяхъ о Петрѣ содержался богатый и готовый матеріалъ для эпоса, который могъ быть прямо переносимъ изъ сказаній въ поэзію крупными чертами. Самъ предметъ былъ въ высшей степени благодарный для артиста, потому что чѣмъ симпатичнѣе былъ бы представленъ герой, тѣмъ съ бѣльшимъ энтузіазмомъ было бы принято произведеніе всѣми классами и направленіями общества. Народъ гордится своимъ героемъ и видитъ въ немъ свое собственное олицетвореніе. Только двѣ историческія личности дѣйствовали столь магически и обаятельно на Пушкина: Петръ В. и Наполеонъ. Подъ этимъ чарующимъ вліяніемъ Петра, осенью памятнаго по общенію Пушкина съ Мицкевичемъ 1828 года, написано было быстро и въ пылу непрерывавшагося вдохновенія одно изъ главныхъ произведеній Пушкина: „Полтава“. Въ такомъ же настроеніи высокаго и сильнаго энтузіазма сочинено и вступленіе къ „Мѣдному Всаднику“, не вполне соответствующее основной мысли поэмы и содержащее не сатирическое, какъ у Мицкевича, но сильно идеализированное изображеніе Петербурга, каковъ онъ есть, сравнительно съ моментомъ, когда на „мшистыхъ, топкихъ берегахъ“ Петръ думалъ о будущемъ и рѣшался „въ Европу прорубить окно“. Такъ какъ всякая поэзія есть, до извѣстной степени, вымыселъ, созданный съ цѣлью произвести возможно болѣе пріятное впечатлѣніе, то не всегда можно навѣрняка сказать, что авторъ именно такъ понималъ дѣйствительность, какъ онъ ее и изобразилъ. Но по этому вопросу мы обладаемъ весьма любопыт-

нымъ объяснительнымъ документомъ, а именно: „историческими замѣчаніями“ Пушкина, писанными въ 1822 году въ Кишиневѣ и заключающими въ себѣ сужденія о новѣйшей русской исторіи (V, 10). Авторъ строго осуждаетъ все царствованіе Екатерины II; въ заслугу ей зачтены только униженная Швеція и уничтоженная Польша; въ укоръ ей поставлены: жестокая дѣятельность ея деспотизма подъ личиною кротости и терпимости; угнетеніе народа намѣстниками; расхищеніе казны любимцами; ничтожность законодательства; комедія въ сношеніяхъ съ философами; наконецъ и то, что, возвышая любимцевъ, она унизила русское дворянство. Сужденія автора о Петрѣ не отличаются своеобразностью, онѣ довольно шаблонны и почти совпадаютъ со взглядами, до-нынѣ господствующими въ средѣ русской интеллигенціи. „Движеніе, переданное сильнымъ человекомъ, продолжалось въ огромныхъ составахъ государства преобразованнаго; наслѣдники сѣвернаго исполина съ суетвѣрною точностью подражали ему во всемъ, что не требовало новаго вдохновенія; дѣйствія правительства были выше его образованности, и добро производилось не нарочно, между тѣмъ какъ азіатское невѣжество обитало при дворѣ... Петръ не страшился народной свободы, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть, больше, чѣмъ Наполеонъ“ (въ черновыхъ бумагахъ эта послѣдняя фраза изложена такъ: „Петръ не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія. Геній его скрывался за предѣлами вѣка, ибо, довѣряя своему могуществу, онъ почиталъ его неприкосновеннымъ. Всеобщее рабство и безмолвное повиновеніе. Всѣ состоянія были равны предъ его палкою.“). Пушкинъ радуется, что не удалась попытка русскихъ аристократовъ ограничить самодержавіе. „Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ... Владѣльцы душъ, сильные своими правами, затруднили бы или даже уничтожили бы способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь въ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче, политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ. Желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла, и мирное, твердое единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы“.

Эти оптимистическіе взгляды, эти красивыя мечты намъ знакомы. Эти идеалы одушевляли все молодое поколѣніе тогдашнее,

цѣтъ котораго составляли „друзья-москали“ Мицкевича, иными словами,—декабристы. Во главѣ подавленнаго 14-го декабря движенія стояли русскіе дворяне, получившіе французское воспитаніе; люди, которые, несмотря на жестокой урокъ, данный кровавымъ исходомъ великой революціи 1789 г., легкомысленно и не угадывая препятствій, пустились впередъ, вѣруя, что можно однимъ скачкомъ и одновременно дойти до двухъ колоссальнѣйшихъ и неимовѣрно трудныхъ результатовъ: и до освобожденія крестьянъ, и до парламентаризма. Ради достиженія общей политической свободы они отрѣшались отъ своей касты и жертвовали всѣми правами и преимуществами своего привилегированнаго состоянія. За рубежомъ, который они пытались перейти, уже не было, по ихъ понятіямъ, мѣста для русско-польскаго спора; тайныя общества обѣихъ національностей подавали, какъ оказалось, другъ другу руки и дѣйствовали за-одно. Не принадлежа къ тайнымъ обществамъ тогдашнимъ, Пушкинъ былъ съ ними умственно и нравственно солидаренъ; сама его ссылка на югъ Россіи была слѣдствіемъ того, что по рукамъ ходили его возбуждающіе къ энергическому дѣйствию, политическому или соціальному, стихи. Въ извѣстной своей „Деревнѣ“, 1819 г. (I, 205), клеймя „дикое барство“, которое „присвоило себѣ насильственной лозой и трудъ, и собственность, и время земледѣльца“, авторъ заключаетъ произведеніе стихами, исполненными тоски вакого-то ожданія:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетѣнный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Всѣ эти золотыя грезы молодости были разрушены событіями 14-го декабря 1825 г., какъ падаютъ карточные домики дѣтей отъ дуновенія вѣтра. Провалилась цѣликомъ вся незрѣлая программа партіи со всѣми ея положеніями общественной и политической, и международной реформы. Пути дальнѣйшаго слѣдованія обѣихъ національностей, русской и польской, соединявшіеся идеально въ умахъ передовыхъ людей движенія, разошлись уже въ то время, когда началось знакомство Мицкевича съ Пушкинымъ. Оба поэта даже и не подозрѣвали, какое огромное пространство стало теперь между этими разошедшимися путями. Въ глазахъ Мицкевича императоръ Николай еще не переставалъ быть царемъ конституціоннымъ польскимъ. Въ 1829 г., 12-го іюня, онъ писалъ письмо къ Ѡ. Булгарину, въ которомъ, по поводу коронаціи августѣйшей четы въ Варшавѣ, изображалъ онъ свой восторгъ и счастье, и энтузіазмъ, и радость своихъ земляковъ

по поводу этого торжественнаго акта (Хмѣлевскій, Ад. М., II, 467). Что касается Пушкина, то катастрофа 14-го декабря не измѣнила собственно его сердечныхъ отношеній къ наказаннымъ за бунтъ декабристамъ, но видоизмѣнила во всемъ значительно его программу будущаго. Въ своихъ лекціяхъ въ Collège de France Мицкевичъ выражается, говоря о Пушкинѣ (69-я лекція), что, послѣ 14-го декабря 1824 г. онъ потерялъ бодрость и энтузіазмъ политическій, что онъ сталъ падать (*commença à déchoir*), что отразилось и на его поэтическихъ произведеніяхъ. Онъ не сознаетъ еще, что ошибался, но въ близкомъ кругу онъ уже говорилъ о своихъ бывшихъ друзьяхъ и объ ихъ идеяхъ съ горечью и пренебреженіемъ. — Эти сужденія несправедливы, пристрастны и не сходятся ни съ дѣйствительностью, ни съ тѣмъ, что самъ Мицкевичъ писалъ въ некрологѣ Пушкина въ 1837 г., будто въ то время, когда они познакомились, Пушкинъ достигалъ зрѣлости, развивался, изъ байрониста превращался въ народнаго русскаго поэта, изучающаго народныя пѣсни, сказки, народную исторію, пускающаго корни въ народную почву, такъ какъ Мицкевичъ ожидалъ отъ него чего-нибудь колоссальнаго (*Mélanges posthumes d' A. Mickiewicz, 1-re série, Paris, 1872, p. 298—305*). Прибавимъ, что однимъ изъ характернѣйшихъ хорошихъ качествъ Пушкина было его постоянство въ дружбѣ, чувство нѣжнѣйшей, почти дѣтской, привязанности къ любимцамъ юности. Пушкинъ никогда не отрекался отъ своихъ опальныхъ друзей. Несмотря на свое весьма шаткое положеніе, онъ писалъ, въ лицейскую годовщину 19-го октября 1827 г.:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ (Тургеневы А. и Н.), въ пустынномъ морѣ (Матюшкинъ),
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

Еще раньше того (вѣроятно, въ началѣ 1827 г.) отправлены въ Сибирь (само собою разумѣется, тайно) горячія строфы „Посланія“ (II, 11), предвозвѣщающія узникамъ, правда, не революцію, но амнистію, въ воспоминаніе которой Пушкинъ твердо вѣровалъ до конца своей жизни:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
 Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
 Какъ въ ваши каторжныя норы
 Доходитъ мой свободный гласъ;
 Оковы тяжкія падутъ,
 Темницы рухнутъ—и свобода
 Васъ приметъ радостно у входа,
 И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и послѣ паденія декабристовъ Пушкинъ считалъ себя ихъ товарищемъ, случайно спасшимся послѣ крушенія ихъ корабля. Такой смыслъ имѣетъ помѣченный 16-мъ іюля 1827 г. отрывокъ „Аріонтъ“ (II, 15):

Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
 Лишь я, таинственный пѣвецъ,
 На берегъ выброшенъ грозюю.
 Я гимны прежніе пою
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

Что касается до программы практическихъ задачъ и затѣй декабристовъ, то онѣ оказались безусловно неисполнимыми, несостоятельными. Будучи одаренъ необыкновенно упругимъ темпераментомъ, весьма трезвымъ взглядомъ и большою сообразительностью, Пушкинъ послѣ событія, которое смело его друзей, — тогдашнихъ либераловъ, — не хандрилъ, не опустилъ рукъ, не отчаялся и не сдѣлался нелюдимомъ или заговорщикомъ, но сталъ бодро и не унывая созидать, въ своей всегда работающей и богатой идеями головѣ, идеалъ иного будущаго, непохожаго на то, которое онъ себѣ до того времени воображалъ. Въ періодъ своего знакомства съ Мицкевичемъ еще основныя положенія и задачи будущаго оставались у Пушкина прежнія, только онѣ отодвигались въ неизмѣримую почти даль. Несоответствующими задачамъ оказывались средства, и эту слабую сторону въ неудавшемся предпріятіи подвергалъ Пушкинъ безпощадной критикѣ, рѣзкость которой огорчала Мицкевича. Вопросы политическіе не переставали занимать по прежнему Пушкина; на этой-то почвѣ, а не въ области чистаго искусства, нашлись точки соприкосновенія его съ Мицкевичемъ. Мицкевичъ не считалъ также никогда поэзію единственнымъ дѣломъ и главною задачею своей жизни; на первомъ планѣ стояла у него мораль, человѣческое благо, счастье людей, осуществляемое политическими средствами (такова и основная мысль третьей части „Дѣдовъ“). Мицкевичъ сообщаетъ (въ некрологѣ Пушкина), что и Пушкину противно было артистическое равнодушіе Гёте ко всему, вокругъ него происходящему, что онъ пре-

зираль писателей, не имѣющихъ цѣли, направленія. Мицкевичъ опредѣлилъ довольно точно, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ русскимъ поэтомъ: „Пушкинъ удивлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума, обладалъ громадною памятью, вѣрнымъ сужденіемъ, изящнѣйшимъ вкусомъ. Когда онъ разсуждалъ о политикѣ иностранной и внутренней, казалось, что говоритъ посѣдѣлый дѣловой человѣкъ, питающійся ежедневно чтеніемъ парламентскихъ преній... Рѣчь его, въ которой можно было замѣтить зародыши будущихъ его произведеній, становилась болѣе и болѣе серьезною. Онъ любилъ разбирать великіе, религіозные и общественные вопросы, само существованіе которыхъ было, повидимому, неизвѣстно его соотечественникамъ“. Мицкевичъ признавалъ начинавшееся охлажденіе русской публики по отношенію къ Пушкину: „публика оставляла Пушкина потому, что не находила въ немъ прежней точки опоры. Она хотѣла бы обрѣсти въ своемъ любимомъ поэтѣ руководителя совѣсти или, по крайней мѣрѣ, руководителя общественнаго мнѣнія, который бы сказалъ: что намъ дѣлать? чего ждать?“ (69-ème leçon). Между тѣмъ Пушкинъ не зналъ, что сказать. Самому Мицкевичу будущее направленіе русскаго поэта представлялось неяснымъ и загадочнымъ. Вотъ что сказано въ некрологѣ Пушкина: „что происходило въ его душѣ? проникалась ли она втихомолку вліяніемъ того духа, который одушевляеть произведенія Манцони и Сильвіо Пеллико, (т.-е. поэтовъ терпѣливой, страдальческой оппозиціи)? Или же его воображеніе работало надъ воплощеніемъ идей въ родѣ тѣхъ, какія возвѣстили Сень-Симонъ или Фурье? Этого я не знаю; въ его мелкихъ стихотвореніяхъ и бесѣдахъ появлялись признаки обоихъ этихъ направленій“.

Намъ трудно указать, въ какихъ мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина открылъ Мицкевичъ зародыши отвлеченныхъ общечеловѣческихъ утопій. Кажется, что умъ Пушкина не былъ вовсе къ нимъ склоненъ. Въ общихъ чертахъ дилемма, которую ставитъ Мицкевичъ, примѣнима была вполне въ цѣлому обществу русскому тогдашнему, и по этой причинѣ приложена Мицкевичемъ и къ Пушкину.

Оба предположенія Мицкевича основывались на томъ, что Пушкинъ останется вѣренъ началамъ русскаго либерализма, побѣжденнаго въ декабрѣ 1825 года, и обреченъ на роль бойца оппозиціи, протестующаго въ предѣлахъ возможности противъ водворившагося послѣ катастрофы режима. Ни та, ни другая изъ предугадываемыхъ Мицкевичемъ ролей не были у Пушкина ни въ его натурѣ, ни въ его характерѣ. Никакіе удары судьбы не могли

слоमितъ Пушкина; къ нему, мгновенно послѣ удара, возвращались и бодрость, и надежды, но онъ не былъ созданъ для упорной, не имѣющей никакихъ видовъ на успѣхъ, борьбы; онъ не любилъ плыть противъ теченія и въ душѣ былъ, по крайней мѣрѣ послѣ катастрофы, искреннимъ сторонникомъ правительства и власти. Еще находясь въ ссылкѣ въ Михайловскомъ, въ январѣ 1826 г., онъ писалъ къ Дельвигу (VII, № 162): „я бы желалъ вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ. Въ этомъ желаніи болѣе благородія, нежели гордости съ моей стороны“. По совершенно вѣрному замѣчанію Мицкевича, императоръ Николай обнаружилъ рѣдкую проникательность (*sagacité rare*), отпуская Пушкина на свободу и взявъ только съ него честное слово, что онъ не употребитъ ея во зло. Пушкинъ былъ до глубины души тронутъ этимъ доказательствомъ довѣрія, а такъ какъ онъ былъ притомъ величайшій оптимистъ и весьма дѣятельный человѣкъ, то ему показалось, что ему отерывается въ новыхъ, хотя и трудныхъ условіяхъ извѣстное поприще для полезной дѣятельности. Не хлопоча для себя ни о чемъ и храня, какъ зѣницу ока, свою нравственную независимость, Пушкинъ пытался принести пользу другимъ, наиболѣе въ томъ нуждающимся. Въ декабрѣ 1826 г. (II, 7, Стансы), поднося императору Николаю значительно польщенный насчетъ незлобія портретъ Петра В., Пушкинъ кончалъ стихи такимъ обращеніемъ къ государю:

Семейнымъ сходствомъ будь же гордь,
 Во всемъ будь прашуру подобецъ:
 Какъ онъ, неутомимъ и твердь,
И памятью, какъ онъ, незлобечъ.

Въ 1828 году, выражая свою искреннюю благодарность за дарованную ему свободу, Пушкинъ защищаетъ ее передъ друзьями:

Я—льстецъ?—Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ.
 Онъ горе на царя накличетъ,
 Онъ изъ его державныхъ правъ
 Одну лишь милость ограничить..
 Вѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
 Одни приближены къ престолу,
 А Богомъ избранный пѣвецъ
 Молчить, потупя очи долу!

Еще въ ноябрѣ 1830 (письмо къ Вяземскому, VII, № 253) Пушкинъ былъ въ полномъ упованіи амнистіи. „Какое государство? Молодецъ! того и гляди, что нашихъ каторжниковъ простить“. Этому благоговѣйному поклоненію особѣ государя Пушкинъ остался вѣренъ до послѣдняго издыханія, какъ тѣ видно изъ словъ,

сказанныхъ Жуковскому (8-е издание, Ефремова, 1882, VII, 430, 441): „скажи, что мнѣ жаль умереть; *былъ бы весь его*“. Хотя эти слова были, въ моментъ ихъ произнесенія, вполне искренни, но сильно бы ошибся тотъ, кто полагалъ бы, что поэта можно всегда держать на цѣпочкѣ, хотя бы то была стальная цѣпочка чувства благодарности. Эпиграммы срывались съ языка невольно; несмотря на нѣжнѣйшія чувства уваженія и любви, не могъ пощадить онъ ни Карамзина, ни Жуковского, не могъ онъ отъ времени до времени не съострить ни „насчетъ небеснаго отца“, ни „насчетъ царя земного“ (I, 198). Подъ самый конецъ жизни, 5-го іюля 1836 г., вѣчный шутникъ, забавлявшійся озадачиваніемъ литераторовъ насчетъ иностранныхъ поэтовъ, которыхъ якобы онъ переводилъ, написалъ дивные, по красотѣ и по юмору, стихи, которые озаглавилъ сначала: „изъ Alfred de Musset“, а потомъ: „Изъ VI Пиндемонте“, въ которыхъ изобразилъ самого себя и изъ которыхъ позаимствуемъ конецъ (II, 187):

...Никому

Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!

VII.

Чѣмъ больше мужалъ и входилъ въ лѣта Пушкинъ, тѣмъ болѣе онъ степенился, становился положительнымъ, консервативнымъ человѣкомъ въ политикѣ, чуждающимся фрондерства. По своему собственному признанію (письмо къ Жуковскому, начала 1826 г., VII, № 160), онъ подвистывалъ Александру I-му до самаго гроба, но императору Николаю онъ былъ вполне и душевно преданъ. На это подвистываніе онъ смотрѣлъ теперь какъ на ребячество, на увлеченіе молодости, отъ которыхъ онъ постепенно началъ отрекаться еще въ Одессѣ въ 1823 г. („это мой послѣдній либеральный бредъ“: письмо къ А. Тургеневу, VII, № 49). Ему вполне уяснился общій смыслъ русской исторіи, ея неизмѣнная формула: всякое крупное политическое дѣйствіе — только по почину правительства; оно есть движущее и образующее начало въ русской исторіи; консервативные элементы

являются только задерживающими тормазами всё великіе государи въ Россіи были своего рода революціонеры; Петръ Великій — больше всего (Pierre I est à la fois Robespierre et Napoléon I—la révolution incarnée... V, 87, изданія 8-го, Ефремова, черновыя замѣтки въ тетрадахъ). Замѣтимъ мимоходомъ, что у Мицкевича, въ его лекціяхъ (48 l.), приводится та же мысль о поразительномъ сходствѣ Петра съ монтаньярами конвента—въ мельчайшихъ подробностяхъ, въ нервномъ безпокойствѣ, точно у львовъ, въ судорожныхъ искаженіяхъ лица, и что Мицкевичъ указываетъ на эту мысль, какъ на раздѣляемую русскими ¹⁾, изъ чего мы, повидимому, въ правѣ заключить о томъ, что, можетъ быть, сама мысль заимствована Мицкевичемъ отъ Пушкина и передана ему въ памятной бесѣдѣ у памятника.

Общій смыслъ русской исторіи несомнѣнно таковъ, какимъ представлялъ его себѣ Пушкинъ, но крайне ошибочно было бы предположеніе, что само движеніе совершается непрерывно, что въ каждый моментъ общество движется одинаково быстро, увлекается впередъ правительственными реформаторами. Государственная политика каждаго отдѣльнаго момента есть весьма сложное произведеніе всѣхъ современныхъ вѣяній и настроеній, силы вещей, того, что въ прежнія времена называли духомъ вѣка. Слѣдуетъ признать, что условія новаго періода, въ которомъ пришлось жить Пушкину послѣ 1825 г., клонились вообще не къ ускоренію, а къ задержкѣ общественнаго движенія, и были крайне неблагоприятны для литературы. Въ крайне утомленной послѣ французской революціи и Наполеоновскихъ войнъ Европѣ преобладала реакція. Императоръ Николай былъ общепризнаннымъ рыцаремъ европейской контръ-революціи. Россія являлась твердынею легитимизма и охранительныхъ началъ. Сама она представлялась весьма стройною на видъ громадою, почти неподвижною,—такъ тихо и почти автоматически совершались въ ней всѣ жизненныя отправленія, точно въ часовомъ механизмѣ. По своимъ формамъ она являлась старинною патріархальною монархіею, опирающеюся на дворянствѣ; дворянство, какъ сословіе, покоилось даже не на землевладѣніи, а на душевладѣніи, слѣдовательно на крѣпостномъ правѣ. При такихъ условіяхъ крѣпостное право становилось одною изъ бытовыхъ основъ общества, къ которой даже и мысленно нельзя было прикасаться. При такой солидарности, въ

¹⁾ On peut regarder l'empire de Pierre le Grand comme une Convention en permanence; les Français se recrient disant que la Convention travaillait pour la liberté et la Russie pour le despotisme; *les Russis répondent* que Pierre le Grand organisait, tandis que la Convention ne faisait que détruire.

теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, правительства и душевладѣльческаго дворянства въ вопросѣ о крѣпостныхъ, побѣжденному въ демабристахъ русскому либерализму приходилось надѣяться на неопредѣленное по времени будущее, ждать, пока обнаружатся силу вещей слабыя стороны системы управленія съ дворянскимъ отгѣнкомъ, пока измѣнится точка зрѣнія на вопросъ правительства, и, ожидая, сосредоточивать всѣ усилія на одинъ пунктъ, на отмѣну крѣпостничества, и готовить къ этой реформѣ умы лучшихъ и даровитѣйшихъ представителей самого дворянства. Извѣстно, что оппозиція исполнила по мѣрѣ возможности свою трудную работу, на которую косо смотрѣли въ свое время и крайне подозрительно—и современные правительственные люди, и дворянское сословіе, и что усилія ея вознаграждены были въ послѣдствіи прекрасными плодами, какіе принесла эта работа въ слѣдующее за тѣмъ царствованіе. Пушкина нѣтъ въ рядахъ этихъ людей, которыхъ предугадывалъ Мицкевичъ, произнося имена Манцони и Сильвіо Пеллико. Публика стала дѣйствительно къ нему охлаждать, потому что, по замѣчанію Мицкевича, она не находила уже въ немъ „son directeur de conscience, son directeur d'opinion“, общественный дѣятель въ немъ какъ будто бы и не высказывался, а оставался только великій и неподражаемый жрецъ чистаго искусства. Не изъ изданныхъ при жизни произведеній, а изъ оставшагося послѣ Пушкина литературнаго наслѣдства, изъ черняковъ и отрывковъ, видно, что онъ не то, чтобы сдѣлался равнодушнымъ къ политикѣ и общественнымъ вопросамъ, но радикальнѣйшимъ образомъ, самъ, можетъ быть, того не замѣчая, измѣнился, что онъ оставилъ убѣжденія, которыя вдохновляли его въ годы молодости, что онъ перешелъ уже къ консерваторамъ, раздѣлялъ узко-дворянскіе взгляды и сталъ критически относиться къ реформѣ Петровой; и даже не прочь былъ проводить эти взгляды и дѣйствовать какъ публицистъ въ этомъ направленіи. Обстоятельства помѣшали ему осуществить эти намѣренія, по той только очень простой причинѣ, что до конца своей жизни онъ не имѣлъ въ литературной дѣятельности полной своей воли. Этому перерожденію содѣйствовало множество причинъ: непокидавшая Пушкина до конца его жизни жажда общественной дѣятельности, прямой и непосредственной, рѣдкая способность приновляться оппортунистически ко всякому твердо установившемуся порядку вещей, живость воображенія, заставляющая его усматривать въ дѣйствіяхъ правительства осуществленіе и того, что было совершенно чуждо видамъ правительства, но чего онъ самъ надѣялся и страстно желалъ; наконецъ, впечатлѣнія ранняго дѣт-

ства, дворянскаго воспитанія, атмосфера, среди которой онъ выросъ, растлѣвающія привычки барства и крѣпостничества, которыя становились сильнѣе послѣ крушенія идеаловъ либерализма, развѣянныхъ событіями декабря 1825 года. Крайне любопытно прослѣдить по письмамъ и черновымъ наброскамъ, какъ возникаютъ въ артистически-творческой, гениальной головѣ Пушкина паутинныя сѣти публицистическихъ мечтаній, и въ какіе сплетаются онѣ причудливые узлы.

Первый признакъ поворота въ анти-петровскомъ дворянскомъ направленіи содержится въ курьезномъ письмѣ къ кн. Вяземскому (VII, № 220), изъ Москвы, 16-го марта 1830 г. „Государь оставилъ въ Москвѣ,—пишетъ Пушкинъ,—проектъ новой организаціи, *контръ-революціи революціи Петра*. Вотъ случай написать политическій памфлетъ, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и *крѣпостныхъ* — вотъ великіе предметы. Какъ ты? я думаю, пустишься въ политическую прозу“. Все сообщаемое извѣстіе состоитъ изъ призраковъ и иллюзій. Не было предполагаемо дарованіе правъ мѣщанамъ и крѣпостнымъ. Ограждать дворянство не приходилось, съ нимъ однимъ считалось правительство, ему предоставляло оно власть надъ крѣпостными, множество должностей для замѣщенія посредствомъ выборовъ и разныя преимущества при восхожденіи по ступенямъ табели о рангахъ. Если бы предполагалось было дѣйствительно подавить чиновничество, то такая реформа заслуживала бы вполне названія контръ-петровской, потому что Петръ былъ настоящимъ создателемъ новѣйшей бюрократіи, и Пушкинъ былъ правъ, когда, осуждая—хотя и съ чисто дворянской точки зрѣнія—его созданія, писалъ въ замѣткахъ къ исторіи Петра Великаго (VI, 326): вотъ уже 150 лѣтъ, какъ „табелъ о рангахъ сметаешь дворянство въ одну кучу, а затѣмъ уничтоженіе майоратства *плутовскимъ* образомъ довершило паденіе передоваго класса. Что изъ сего слѣдуетъ: восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.“. Но именно въ то время менѣе чѣмъ когда-либо можно было помышлять о подавленіи чиновничества. Развѣтвленная до безконечности, какъ исполинскій полипь, бюрократическая машина изолировала вполне народъ отъ правительства. Та политическая проза, о которой Пушкинъ писалъ къ Вяземскому, предназначалась для „Литературной Газеты“ барона Дельвига, въ которой Пушкинъ велъ ожесточенную литературную войну съ двумя весьма опасными по своему положенію журнальными, какъ ихъ называли тогда, „братьями-разбойниками“, Н. Гре-

чемъ и Ѳ. Булгаринымъ. Осенью 1830 г. въ Болдинѣ набросаны были на бумагу теоретическія замѣтки и проекты критическихъ и теоретическихъ статей для газеты, которая, вѣроятно, потому только не была потомъ отдѣлана, что сама газета была приостановлена издавіемъ, а затѣмъ скончался потрясенный ея судьбою самъ Дельвигъ, 14-го января 1831 года. Исходною точкою зарождавшейся у Пушкина цѣлой теоріи русской аристократіи послужила критика „Исторіи русскаго народа“, Н. Полевого, который, какъ извѣстно, придерживаясь изслѣдованій Гизо, усматривалъ и на Руси феодализмъ. Пушкинъ, какъ и слѣдовало, опровергалъ это мнѣніе, какъ исторически невѣрное; но въ противность тому, что онъ проповѣдывалъ въ молодости, онъ уже сожалѣетъ, что въ Россіи не водворился феодализмъ, — система простая и сильная, основанная на правѣ завоеванія. Если бы феодализмъ установился, то могла бы выработаться верхняя палата, какъ первый опытъ таеъ-называемыхъ Пушкинымъ учрежденій независимости, къ которому бы потомъ применило собраніе общественныхъ представителей. Мѣсто феодализма заступило боярство, крѣпнувшее посредствомъ мѣстничества и со временемъ могущее сдѣлаться наслѣдственнымъ, что составляло бы его хорошую сторону, потому что „l'hérédité de la haute noblesse (въ совокупности съ майоратами) est une garantie de son indépendance“. Цари Ѳедоръ и Петръ, дѣйствуя за-одно съ низшими слоями служилаго сословія, сокрушили боярство и отмѣнили мѣстничество. Высшая аристократія не сдѣлалась наслѣдственною, а только пожизненною (moyen d'entourer le despotisme des stipendiaires devoués et d'étouffer toute indépendance). Съ Ѳедора и Петра начался переворотъ, произведшій новое дворянство, богатое, властное, дробящееся чрезъ раздѣлы наслѣдства. Старое боярство рушилось и образуетъ родъ средняго состоянія, къ которому принадлежать большею частію и русскіе литераторы. Полагалъ ли вѣроятнымъ Пушкинъ возстановить павшее боярство и предоставить ему вліяніе въ государствѣ, того нельзя себѣ ясно представить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ; но изъ программъ для „Литературной Газеты“ (V, 79) оказывается, что онъ понималъ необходимость существованія потомственного дворянства, какъ высшаго сословія, награжденнаго большими (нежели другіе классы) преимуществами относительно собственности и личной свободы, состоящаго изъ лицъ, отмѣненныхъ по своему богатству или образу жизни и имѣющихъ время заниматься чужими дѣлами, слѣдовательно не трудящихся ремесломъ или земледѣіемъ и готовыхъ являться по первому призыву „du souverain“. Пушкинъ имѣетъ самыя высочія понятія

о цѣли института и объ обязанностяхъ привилегированнаго состоянія: быть живымъ воплощеніемъ независимости, храбрости, благородства, чести вообще, — качествамъ, которыя нужны вообще и всему народу, но они таковы, что независимый образъ жизни способенъ ихъ усилить или развить. Съ этой точки зрѣнія дворянство, по мнѣнію Пушкина, есть „la sauvegarde“ трудолюбиваго класса, которому некогда развивать эти качества. Пушкинъ различаетъ дворянство въ республикѣ и въ монархіи (государствѣ): въ первой оно состоитъ изъ богатыхъ людей, которыми кормится народъ (!), а въ монархіи — изъ военныхъ, составляющихъ войско государево. Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ: чѣмъ кончается (т.-е., по мнѣнію Анненкова, „погибаетъ“) дворянство? — Въ республикѣ, — отвѣчаетъ онъ, — аристократіей правъ, а въ монархіи рабствомъ народа. П. В. Анненковъ признаетъ все это за доказательство того, что дворянское направленіе Пушкина происходило не изъ кровной привязанности къ боярскимъ привилегіямъ, а изъ сожалѣнія о потерѣ передовымъ сословіемъ орудій и средствъ сослужить великую службу отечеству; что подъ теоріей Пушкина текла горячая политическая струя, что, строя свою теорію, которая теперь оказывается и несостоятельною, и утопическою, Пушкинъ никогда не переставалъ быть типомъ гуманнаго развитія, что онъ всю жизнь желалъ для родины умноженія правъ и свободы въ предѣлахъ законности [и политическаго быта, утвержденнаго всѣмъ прошлымъ и настоящимъ бытомъ Россіи... Въ защиту Пушкина Анненковъ ставитъ, такъ сказать, въ свидѣтели Мицкевича и заключаетъ слѣдующее: „мы убѣждены, что извѣстный глубоко-сочувственный, почти восторженный отзывъ Мицкевича о *политическомъ смыслѣ* Пушкина возникъ преимущественно изъ знакомства съ основными чертами этой самой теоріи (Пушкина), которая уже давно (слѣдовательно, до 1829 г.) народилась и созрѣвала въ головѣ ея автора. Но Анненковъ, очевидно, смѣшиваетъ два разные предмета: аристократическія преданія, свойственныя вообще народамъ, имѣвшимъ, какъ, напримѣръ, Польша, аристократическую формулу развитія въ прошломъ, и аристократическія стремленія, — и полагаетъ, что кто имѣлъ аристократическое, личное или національное, прошлое, тотъ, естественно, долженъ имѣть и аристократическія тенденціи для практической дѣятельности въ будущемъ. Подобный выводъ опровергается опытомъ вѣковъ, противъ него свидѣтельствуютъ и аристократы древнихъ Греціи и Рима, становившіеся во главѣ демократическихъ движеній, и знать французская, кинувшаяся въ революцію, и Байронъ, никогда не измѣнявшій своему политическому радикализму, и всякая вообще жизне-

способная аристократія, которая только тѣмъ и обнаруживаетъ свою живучесть, что стремится къ постепенному отрѣшенію отъ личныхъ и имущественныхъ привилегій, и что практически осуществляетъ не аристократію правъ, но аристократію обязанностей и освобожденія народа. При всей красотѣ идеала дворянства, какимъ оно должно быть у Пушкина, теорія его несогласна въ практическихъ своихъ результатахъ съ этимъ идеаломъ; она, притомъ, такого рода, что Мицкевичъ никакъ не могъ бы ей почувствовать и не одобрилъ бы ея, еслибы она ему стала извѣстна изъ бесѣды съ Пушкинымъ въ 1828 году.

VIII.

Ближайшимъ ко времени знакомства Мицкевича съ Пушкинымъ выраженіемъ общественныхъ и политическихъ понятій самого Мицкевича слѣдуетъ признать его „Книги польскаго народа и паломничества“, 1833 г. Въ этихъ книгахъ, конечно, господствуетъ уже, не существовавшая въ 1828 г. и въ этомъ видѣ весьма ошибочная и односторонняя, идея *мессіанизма*—плодъ горькихъ неудачъ и страданій послѣ событій 1830 года; но въ главныхъ чертахъ основы философско-историческихъ воззрѣній и тамъ остались тѣ же, какія подготовило въ поэтѣ все его прошлое. Въ этихъ книгахъ Мицкевичъ утверждаетъ, что, по ученію Христа, тотъ—большій между людьми, кто имъ служить, что христіанство вело народъ постепенно къ свободѣ, что свобода распространялась въ Европѣ постоянно и постепенно, отъ королей исходя, перешла на вельможъ; а эти послѣдніе, ставъ свободными, распространяли ее на города, что она должна была вскорѣ низойти на весь народъ, такъ что 3-го мая король и рыцарство рѣшили всѣхъ поляковъ обратить въ братьевъ, сначала мѣщанъ, а потомъ и крестьянъ. Мы вовсе не намѣрены отстаивать эту исторію польскаго народа, исторію сильно фантастическую, но она доказываетъ, что Мицкевичъ отличалъ самый институтъ—и духъ, оживляющій этотъ институтъ, цвѣтъ увядающій—и сѣмя отъ этого цвѣта. Неудивительно, что онъ имѣлъ высокое понятіе объ институтѣ, такъ какъ у него были постоянно передъ глазами и его многовѣковое и великое прошлое, и громадная литература, прославлявшая шляхетство, начинающаяся съ классическаго изображенія у Н. Рейя въ періодъ Возрожденія идеала шляхтича, какимъ онъ долженъ быть (*Zwierciadko або żywot poczciwego człowieka*, 1567). Когда Мицкевичъ мечтаетъ о рыбацкомъ разбившемся суднѣ, ко-

торое будетъ за-ново выстроено и пойдетъ при помощи спасенной отъ кораблекрушенія магнитной иглы компаса, — компасомъ этимъ Мицкевичъ считаетъ не дворянство, которое окончательно растаяло въ народѣ, которому оно сообщило свое шляхетство, но одинаково присущую съ тѣхъ поръ и мужику, и еврею, любовь къ общему отечеству. Польское шляхетство было растение, конечно, далеко менѣе красивое, менѣе развѣсистое и прочное, нежели западно-европейскій феодализмъ, оно менѣе располагало дворянъ отстаивать противъ всѣхъ и каждого свою личность въ твердынѣ своего личнаго права, но въ сравненіи съ польскимъ шляхетствомъ русское боярство представлялось лишь верхнимъ слоемъ служилаго сословія, обязаннаго службою въ должностяхъ земскихъ и придворныхъ или на войнѣ, безусловно зависимымъ отъ монарха, сильно похожимъ на литовское боярство, какимъ оно было до вступленія на польскій престолъ Ягеллоновой династіи. Пушкинъ также долженъ былъ признать, что институтъ боярства былъ разбитъ въ дребезги и выметенъ совсѣмъ Петровскою табелью о рангахъ. Пушкинъ нисколько не заботился, каковъ былъ специально духъ этого упраздненнаго древне-московскаго института. Поэтъ заимствуетъ извнѣ западно-европейскія и феодальныя преданія, чувства независимости и чести, сдѣлавшія нынѣ общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ, отъ монарха до простого рабочаго, и наполняетъ этимъ содержаніемъ старый сосудъ, въ явномъ ошибочномъ предположеніи, что огражденное новыми привилегіями сословіе сдѣлается оплотомъ (sauvegarde) общенародной свободы противъ правительства и бюрократіи. Всякое укрѣпленіе сословныхъ дворянскихъ преимуществъ вело бы не къ расширенію общегражданскихъ свободъ, а къ затрудненію освобожденія крестьянъ, котораго, въ сущности, правительство желало, но къ которому опасалось прикасаться, и о которомъ оно запретило печатно разсуждать, только въ виду того, чтобы освобожденіемъ крестьянъ не умалить правъ дворянъ и не поколебать тѣмъ самымъ одного изъ устоевъ общественнаго быта.

Стремленіе къ усиленію дворянскихъ преимуществъ по логической связи вещей производило въ одержимомъ имъ лицѣ охлажденіе къ крупному вопросу, служившему въ то время пробнымъ камнемъ либерализма, то-есть къ освобожденію крестьянъ. На эту особенность настроенія Пушкина въ послѣдніе годы его жизни бросаетъ яркій, хотя и перемежающійся свѣтъ его полемиическая статья 1834 г.: „Мысли на дорогѣ“, заключающая въ себѣ систематическое опроверженіе знаменитаго въ свое время, изданнаго въ 1790 г. и строго запрещеннаго, „Путешествія изъ Петербурга

въ Москву“, Александра Радищева. Сочиненіе Радищева обращалось въ рукописяхъ; оно произвело въ юности большое впечатлѣніе на Пушкина и вдохновило его къ написанію извѣстнаго стихотворенія его „Деревня“, 1819 г. (I, 206):

Здѣсь рабство тощее влечется по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ.
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя, и пр.

Что свое увлеченіе проповѣдникомъ освобожденія крестьянъ Пушкинъ сохранилъ до конца жизни, тому неопровержимымъ доказательствомъ служить 6-я строфа его „Памятника“, писаннаго въ 1836 году, которая имѣла слѣдующій видъ въ первоначальной своей редакціи:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ (II, 89).

Не мало должны были удивиться критики, когда въ посмертныхъ бумагахъ Пушкина найдено было такое же, какъ Радищевское, путешествіе только въ обратномъ направленіи—изъ Москвы въ Петербургъ, передающее въ сокращеніи его рассказы, но оспаривающее его образы и выводы шагъ за шагомъ. Съ самимъ Радищевымъ Пушкинъ обращается тутъ довольно пренебрежительно и свысока, называетъ слогъ его надутымъ и напыщеннымъ, его самого—истиннымъ представителемъ полупросвѣщенія, вѣчно кому-нибудь подражающимъ и отражающимъ криво, какъ въ кривомъ зеркалѣ, всю французскую философію XVIII вѣка (V, 343—356), писателемъ дерзкимъ, съ которымъ приходится соглашаться только изрѣдка и по-неволѣ. По поводу статей Пушкина о Радищевѣ мнѣнія раздѣлились: писатели консервативнаго лагеря считали ихъ доказательствомъ полной зрѣлости и отрезвленія, искупившаго прежнія несбыточныя мечтанія поэта; а въ прогрессивномъ и либеральномъ лагерѣ, „Мысли на дорогѣ“ разсматривались какъ перемѣна убѣжденій и отступничества отъ прежнихъ началъ. Недавно В. Яеушкинъ („Радищевъ и Пушкинъ“. Москва, 1886) попытался возстановить славу и доброе имя Пушкина посредствомъ согласованія обоихъ мнѣній ¹⁾. Онъ утверждаетъ, что Пушкинъ прибѣгалъ къ средству, часто употреблявшемуся писателями XVIII вѣка, которые хитрили съ цензурою и рѣзко порицали тѣ

¹⁾ Сравни. „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1887 г.: Литерат. Обзор., стр. 870.—*Ред.*

самыя мысли, которыя хотѣли распространять, что такой „рабий“, эзоповскій языкъ былъ неизбѣжною необходимостью того времени; что оппортунистъ-Пушкинъ рѣшился, хотя бы и прибѣгая къ такому способу, воскресить память о великомъ писателѣ и его замѣчательномъ произведеніи. Въ этомъ можетъ быть доля правды; но остается невыясненнымъ то, не замаскировалъ ли себя Пушкинъ до того, что ввелъ въ заблужденіе всѣхъ своихъ читателей и достигнулъ цѣли, прямо противной предполагаемымъ его намѣреніямъ. Въ „Мысляхъ на дорогѣ“ Пушкинъ почти помирился съ крѣпостнымъ состояніемъ, потому что повинности мужика не тягостны, подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ, оброкъ неразорителенъ. Въ разговорѣ съ англичаниномъ (V, 241) Пушкинъ убѣждается англичаниномъ, что состояніе русскаго крестьянина во сто кратъ лучше состоянія англійскаго рабочаго. Нашъ крестьянинъ опятнѣе англійскаго; въ его поступи и рѣчи нѣтъ и тѣни рабскаго униженія по отношенію къ помѣщику. Власть помѣщиковъ необходима для рекрутскаго набора и т. д. Такое резонирующее укрѣпленіе крѣпостничества снискивало ему сторонниковъ, конечно, помимо вѣдома его и воли, между столбами консерватизма и рабовладѣльчества, но точно холодною водою окачивало прогрессистовъ, у которыхъ оно отнимало всякую надежду на измѣненіе правоотношенія. Такою цѣною едва-ли стоило оплачивать даже и распространеніе въ публикѣ свѣдѣній о Радищевѣ. Всякія возможныя попытки истолковать загадочную рукопись въ смыслѣ благопріятномъ Пушкину, въ концѣ концовъ, требуютъ новыхъ объясненій. Либо приходится признать, что онъ въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ въ меньшей уже степени представлялъ собою типъ гуманнаго развитія; что въ теоріяхъ его уже замѣчалось меньше горячей политической струи; что, по мѣрѣ того, какъ улетучивалась юность, ослаблялось и то, что было только внушеніемъ духа времени, зато, съ другой стороны, усиливались и оплотнялись прежнія наклонности и привычки самаго ранняго дѣтства. Его увлеченіе идеєю освобожденія крестьянъ, быть можетъ, было отвлеченное, теоретическое; въ тому же онъ, по природѣ, былъ неизмѣнно добрымъ для всѣхъ, даже для тѣхъ, кого называли „хамами“ (VII, № 173). Либо придется допустить, что опроверженіе Радищева было только преувеличеннымъ „оппортунизмомъ“, доведеннымъ до того, что надѣтая маска могла плотно пристать къ лицу, и въ сознаніи и совѣсти начали совершаться трудно объясняемыя сдѣлки между добрыми пожеланіями и невольнымъ преклоненіемъ предъ признаваемымъ непреодолимымъ господствомъ зла.

IX.

Разборъ элементовъ, изъ которыхъ составила художественная характеристика Петра В. въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, былъ бы лишенъ надлежащей полноты, если бы мы обошли одинъ важный вопросъ, послѣдній изъ тѣхъ, которые подлежатъ разсмотрѣнiю въ настоящемъ очеркѣ: о влiянiи на эту характеристику архивныхъ изысканiй Пушкина и изученiя Петра по подлиннымъ документамъ его царствованiя. Пушкинъ предугадалъ анти-петровское направленiе въ политикѣ, котораго теоретиками были московскiе славянофилы, котораго практическiя попытки стали возможны только позднѣе, послѣ освобожденiя крестьянъ, послѣ введенiя въ жизнь общественную множества мало-культурныхъ, не отполированныхъ цивилизацiею Петровскаго перiода элементовъ. Противъ Петра В. возстановляло Пушкина прежде всего воспоминанiе о томъ, что самъ онъ, Пушкинъ—потомокъ древнихъ и знатныхъ бояръ, которые были всѣ сметены въ одну со многими другими классами общую кучу. Едва ли, однако, всѣ нареканiя этого потомка бояръ могли бы подѣйствовать такимъ образомъ на колосса, чтобы онъ спустился съ своего гранитнаго подножiя и чтобы сверкнули гнѣвомъ его очи. Въ 1831 году, по запискѣ Пушкина, ему разрѣшено рыться въ государственныхъ архивахъ для собранiя матеріаловъ къ исторiи Петра В. и его ближайшихъ наслѣдниковъ, — первый шагъ къ занятiю въ будущемъ почетной, вакантной послѣ Карамзина, должности российскаго исторiографа. Послѣ четырехъ лѣтъ постоянныхъ работъ оказалось (15 декабря 1835 г.), что собрана только большая масса историческихъ сырыхъ матеріаловъ, не провѣренныхъ критикою и расположенныхъ безъ плана, только по порядку лѣтъ. Пушкинъ пытался строить изъ этихъ данныхъ цѣлое, но тотчасъ бросилъ эту работу и ограничился одними бѣглыми замѣтками и вопросительными знаками, которые обнаруживаютъ, что онъ замѣтилъ нѣкоторую двойственность въ личности Петра, крупныя и разительныя противорѣчiя въ ней, которыхъ онъ объяснить не могъ; что для разгадки этого историческаго лица у него неоставало подходящаго ключа. О характерѣ этихъ замѣтокъ можетъ дать понятiе слѣдующая (VI, 327): „Достойна удивленiя разность между государственными учрежденiями Петра и временными его указами. Первые суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые нерѣдко жестоки, своенравны и, вѣдается, писаны внукотомъ. Первые были для вѣчности или по

крайней мѣрѣ для будущаго; вторые вырывались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика. Это внести въ исторію Петра, *обдуманъ*“. Такимъ-то образомъ формулировалъ Пушкинъ свою задачу, которая была для него совсѣмъ неразрѣшима. Проживи онъ еще десять лѣтъ, онъ бы не написалъ, вѣроятно, исторіи Петра В. Сто лѣтъ едва прошло отъ смерти Петра до момента, когда Пушкинъ принялся писать его исторію; времени этого едва ли хватило бы на то, чтобы, по словамъ Мицкевича, воздвигнуть „эти пышные чертоги, вымыть шампанскимъ паркеты буфетовъ и натереть ихъ менуэтными па“ (Petersburg),—періодъ, похожій на непрестанный маскарадъ, періодъ обезьяничанья и слѣпотаго подражанія иностранному. Однако, вслѣдствіе только того, что въ народной исключительности проломаны многія бреша, что черезъ эти проломы повѣялъ духъ XVIII вѣка и установилось свободное движеніе воздуха,—уже утончились формы общежитія у вчерашнихъ скивоовъ, уже ихъ ощущенія и иллюзіи сдѣлались нѣжныѣ и благороднѣе. Невольно улыбнешься, когда услышишь, что одинъ такой юный офранцузившійся скиеъ, потомокъ древнихъ московскихъ бояръ, писалъ въ 1817 году на портретѣ друга своего, такого же юнаго скиеа: „Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ Периклесь, у насъ онъ—офицеръ гусарскій“ (I, 180). Конечно, ни одинъ, ни другой, не были похожи на древнихъ грековъ и римлянъ, но несомнѣнно, что нѣкоторые чувства общечеловѣчскія и гражданскія, одушевлявшія древнихъ грековъ и римлянъ, бывъ потомъ пропѣжены сквозь французскій классицизмъ XVIII вѣка, вошли въ плоть и кровь этихъ „скиеовъ“. Человѣченіе ихъ сказывалось въ особенности въ томъ, что пробуждалось въ нихъ непреодолимое, почти физическое отвращеніе отъ грубой силы, попирающей всѣхъ не только безъ милосердія, но даже и безъ соображенія, есть ли какое-нибудь соотвѣтствіе между пользою цѣли и вредомъ средствъ,—отвращеніе, которое во сто кратъ сильнѣе, когда созерцаешь извѣстное историческое дѣйствіе не издали, не сквозь легендарную призму, но находясь въ самой, такъ сказать, исторической бойнѣ. Ипполитъ Тэнъ (*Origines de la France contemporaine*, III, 152 и 154), описывая, между прочимъ, Петра В., какъ онъ съ хлыстомъ въ рукахъ училъ своихъ „московскихъ медвѣжатъ“ танцевать европейскій менуэтъ, остается при томъ, облегчающемъ въ его глазахъ задачу Петра, убѣжденіи, что Петръ не вмѣшивался въ крестьянскій міръ, не трогалъ его и имѣлъ въ числѣ своихъ помощниковъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей своей страны. Изъ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій (С. Соловьевъ, Костомаровъ, Брикнеръ)

слѣдуетъ, что условія реформы Петра В. были гораздо труднѣе, нежели Тэнъ предполагаетъ, что Петръ В. не пощадилъ въ обреченномъ на сломку строеніи даже крестьянскаго міра, что онъ отвергъ всѣ общинныя учрежденія, что онъ имѣлъ крайне малое число помощниковъ, и то болѣе изъ иностранцевъ, что у него мало было собственныхъ организаціонныхъ идей, а бралъ онъ живьемъ все чужое и заимствованное, что отличительная его черта была не глубина замысловъ, но страшное напряженіе воли и неимовѣрная поспѣшность, съ которою онъ несся впередъ, одержимый одною только идеею, притомъ идеею весьма простою—соорудить скорѣйшимъ путемъ громаднѣйшую державу, употребивъ на это дѣло всякіе безъ разбору матеріалы, всякія, какія нашлись подъ руками, средства. Историческая наука, которая чуждается всѣхъ субъективныхъ влеченій и отвращеній, и которая ищетъ въ событіяхъ только подлежащихъ разрѣшенію загадокъ и задачъ, затрудняется до-нынѣ, при изученіи Петра, встрѣчаемыми въ немъ замѣчательнѣйшими въ психологическомъ отношеніи противорѣчіями, которыя будутъ, по всей вѣроятности, когда-нибудь согласованы посредствомъ обслѣдованія центральнаго узлового пункта въ этомъ вопросѣ, а именно: свойства его основныхъ идей, раздѣленія мотивовъ, заставлявшихъ его дѣйствовать, на эгоистическіе и альтруистическіе, и сопоставленія, наконецъ, его идей съ завѣтнѣйшими и древнѣйшими надеждами и вождедѣніями народа, который только такимъ образомъ могъ освободиться отъ монголовъ и построить независимое государство: отрекаясь отъ личнаго счастья отдѣльныхъ лицъ, онъ возлагалъ все свое добро, не разсуждая, на жертвенникъ общественнаго блага (Тэнъ говоритъ: „à l'idée vague du salut public“, р. 152); слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ народъ этотъ слѣдовалъ за реформаторомъ, хотя и упирался, и сопротивлялся, по магическому какъ бы заклинанію волшебника. Пушкинъ не обладалъ способностью критическаго, методическаго анализа событий; онъ и въ исторіи былъ только поэтъ, угадывающій рѣшеніе по вдохновенію. Если бы въ немъ были малѣйшіе задатки мистицизма, то и рѣшеніе было бы, вѣроятно, туманное, таинственное, основанное на чемъ-то недосыгаемомъ пониманію человѣческому. Имѣется въ польской литературѣ у Юлія Словацкаго нѣчто подобное въ одномъ изъ его капиталнѣйшихъ, но и самыхъ загадочныхъ произведеній подъ заглавіемъ: „Царь-Духъ“. Въ этой поэмѣ опоэтизированы жестокіе дѣятели въ исторіи, тамъ нашлось бы мѣсто и для Петра Великаго. Необычайно ясный умъ Пушкина не могъ играть въ эту игру, не могъ ставить предположеній о предопредѣленіяхъ свыше. Новый его

взглядъ на народнаго героя явился въ формѣ простого отрицанія: Пушкинъ усомнился только въ томъ, было ли все то добро, что создано Петромъ. Поэтъ всмотрѣлся пристально въ лицо реформатора и содрогнулся—до того вдругъ показалось ему это лицо зловѣщимъ, обрызганнымъ кровью, смертоноснымъ. Лицо было какъ будто знакомое, но оно получило неожиданно совсѣмъ новое выраженіе, оно явилось воспроизведеніемъ „восточнаго типа *бича божія*, Аттилы“. Такимъ-то образомъ объясняетъ происхождение крупнаго произведенія Пушкина, остающагося и до-нынѣ, несмотря на это объясненіе, загадочнымъ, лучшій до сихъ поръ знатокъ и комментаторъ Пушкина, собиратель и издатель его произведеній—П. В. Анненковъ. Когда поэтъ приступилъ къ осуществленію своего замысла, то онъ долженъ уже былъ считаться и съ цензурою, и съ публикою, онъ почти вычеркнулъ всю хулу и злословіе, умалилъ по возможности хулителя, превратилъ его въ маленькаго, ничтожнаго человѣчка, представилъ его сошедшимъ съ ума, превратилъ движеніе судорожно сжатой, грозящей „кумиру“ руки въ пароксизмъ бѣшенства. Даже мрачный образъ наводненія очень ловко спрятанъ, поставленъ на второмъ планѣ, а на первомъ, во вступленіи, воздвигнуто нѣчто въ родѣ триумфальныхъ воротъ, слышится нѣчто въ родѣ побѣднаго марша, воплѣты гранитъ, морозы сѣверной столицы, ночныя пирушки, военные парады и стрѣльба изъ пушекъ корабельныхъ и крѣпостныхъ по Невѣ. Эти громкіе бубны и литавры не спасли, однако, отъ цензуры, но они же, появившись въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, сбили съ толку публику. Въ публикѣ поэма считается до-нынѣ апофеозомъ реформатора. Ослѣпленные красотою картины, изображающей галлюцинаціи помѣшаннаго канцеляриста, читатели не идутъ дальше и не вникаютъ въ основу, въ содержаніе, въ нравоученіе поэмы.

Х.

Перейдемъ къ окончательнымъ выводамъ, къ заключенію.

Сообщаясь другъ съ другомъ въ 1828 г., въ Петербургѣ, Мицкевичъ и Пушкинъ сблизились. Они бесѣдовали не только о предметахъ искусства, но и объ общественныхъ, религіозныхъ и политическихъ вопросахъ. Они разсуждали однажды и о Петрѣ Великомъ, осматривая памятникъ его, и этотъ разговоръ занесенъ былъ въ ихъ воспоминанія. Разговоръ этотъ переданъ былъ въ поэтической формѣ Мицкевичемъ, который заимствовалъ, можетъ

быть, нѣсколько мѣткихъ замѣчаній, для характеристики героя, отъ Пушкина, но вложилъ эту характеристику только посредствомъ поэтическаго умысла въ уста Пушкину, полагаясь на то, что его собственный взглядъ на Петра совпадаетъ со взглядомъ Пушкина или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ рѣзкимъ образомъ взгляду Пушкина, хотя въ то самое время существовала уже глубокая рознь въ обоихъ взглядахъ, еще не примѣчаемая самимъ Мицкевичемъ. Произведеніе Мицкевича сдѣлалось извѣстно Пушкину только въ такое время, когда политическія событія уже совсѣмъ разобщили его съ Мицкевичемъ, но также и когда взглядъ его самого на Петра сталъ болѣе прежняго критическій, ближе ко взгляду Мицкевича на Петра, нежели въ 1828 г., когда они о Петрѣ бесѣдовали. Пушкинъ не опротестовалъ приписываемыхъ ему въ стихахъ Мицкевича сужденій о Петрѣ; можетъ быть, знакомство съ произведеніемъ Мицкевича вошло въ число мотивовъ, побудившихъ его создать произведеніе весьма своеобразное, гораздо крупнѣе по размѣрамъ, нежели произведеніе Мицкевича, — произведеніе, въ которомъ коренная его идея не была вполнѣ высказана, по тогдашнимъ условіямъ. Третья четверть вѣка истекаетъ съ того момента, когда оба поэта встрѣтились; Европа значительно видоизмѣнилась, одинъ только колосъ остался невредимъ и недвижимъ. Если бы предположить, что встрѣча двухъ геніальнѣйшихъ, не превзойденныхъ до-нынѣ, поэтовъ славянскаго міра произошла теперь, то и взгляды ихъ на державнаго властелина сѣвера были бы совсѣмъ иные. Вопросъ о Петрѣ В. подвигается въ исторіи какъ паукъ, — это одинъ изъ вопросовъ наиболѣе жизненныхъ, наиболѣе привлекающихъ и благодарныхъ. Царь Петръ давно пересталъ быть, въ глазахъ изслѣдователей, чѣмъ-то въ родѣ библейскаго Нимрода, государя, дѣйствующаго наперекоръ законамъ природы, лишь съ тою цѣлю, чтобы, какъ выразился Мицкевичъ, „показать свое всемогущество“. Теперь извѣстно, что вся его умственная дѣятельность наполнена была одною идеею, не личною его, но великорусскою, далеко выходящею за предѣлы его личнаго бытія, его вѣка, и увлекашею его съ силою, съ какою увлекаетъ религіозная идея своего фанатика, или артистическая идея — художника, въ пылу творчества. Идеѣ этой онъ принесъ въ жертву своего сына, не виновнаго, какъ надобно думать, ни въ политическомъ, ни въ уголовномъ смыслѣ; онъ ею былъ такъ занятъ, что не подумалъ, кому ее завѣщать, до того самаго момента, когда цѣпенѣющая рука и застывшій языкъ отказались указать преемника, такъ что вся будущность монархіи повисла на волосѣ, предана была на произволъ судьбы, представлена самому случаю. Мицкевичъ отлично постигъ Петра,

какъ воплощеніе исполинской силы; мало того: возвысившись надъ своими національными чувствами до болѣе общей точки зрѣнія, онъ отлично понялъ столь чуждый вообще поляку героизмъ слѣпого, почти невольническаго послушанія (Ach! żal mi siebie, biedny Sławianinie! Biedny narodzie, żal mi twojej doli: — Jeden znasz tylko heroizm — niewoli!). Но для Мицкевича осталось навсегда неразгаданною тайною обаяніе властелина, чарующее его вліяніе на народъ: какимъ образомъ укрощаль онъ и дѣлалъ себя безусловно послушнымъ этого нетерпѣливаго и становящагося на дыбы коня? Какимъ образомъ могла эта масса быть увлечена однимъ представленіемъ о почти необъятной, въ матеріальномъ отношеніи, громадѣ, не наполненной еще содержаніемъ, въ которой не отведено мѣста для личнаго счастья единицъ, которая держится безграничною преданностью, а иногда и страданіемъ покорныхъ единицъ? Неизмѣримое пространство отдѣляло Мицкевича отъ такого почти античнаго и языческаго понятія о государствѣ; оно отдѣляетъ и насъ, — намъ чрезвычайно трудно усвоить себя теперь Петровскія идеи. Это отсутствіе въ созданіи Петровомъ мѣста для чувствительнаго сердца, уголка для оскорбленнаго чувства, эта пробуждающаяся въ единицѣ жажда счастья для себя взята Пушкинымъ какъ точка отправленія; она и составляетъ центральный пунктъ въ поэмѣ, она-то и придаетъ произведенію высокую цѣну и значеніе: червякъ злословитъ его; безконечно малое существо грозитъ поднятымъ кулакомъ колоссу. Пробуждающіяся требованія единицы свидѣтельствуютъ о томъ, что перемѣнились времена, — а перемѣнились они отъ успѣховъ цивилизаціи, — но самъ-то плодъ зеленъ еще и незрѣлъ, мало еще въ немъ сознанія существа зла и средства его леченія. Многіе десяти лѣтъ потрачены будутъ на исканіе чего-то ощупью. Ни къ чему не приведутъ ни скорбь о сметенномъ имъ съ лица земли старомъ порядкѣ вещей, ни жалобы на излюбленный невискій „парадизъ“ Петра, съ его ненастьемъ, слякотью и наводненіями, ни мечты о древнемъ строѣ, ни плачь объ отступленіи отъ чистоты патриархальнаго быта, о порчѣ нравовъ и о культурной денационализаціи высшихъ интеллигентныхъ слоевъ общества. Задача освобожденія отъ умственного подражанія иноземному и приобрѣтенія умственной самобытности разрѣшается только поступательнымъ движеніемъ впередъ, при содѣйствіи не однѣхъ внѣшнихъ, механически усвоиваемыхъ, формъ европейской цивилизаціи, но самаго содержанія этой цивилизаціи, развитіемъ его чувствъ справедливости и гуманности. Немыслимо возвращаться не только къ до-петровскимъ порядкамъ, но и къ

до-петровской племенной и вѣроисповѣдной исключительности. Всякая исключительность ведетъ къ сокращенію и разрушенію зданія, воздвигнутаго великимъ строителемъ, который сплотилъ его торопясь, правда, и нѣскоро, изъ столькихъ разновидностей рода человѣческаго, изъ столькихъ племенъ, языковъ и вѣрованій. Соединенныя почти насильственно части держатся нынѣ сами собою крѣпко, не видно въ зданіи ни осѣданія, ни трещинъ, простоять оно можетъ многіе вѣка,—но желательно не исключеніе изъ него, а согласованіе частей, сообщеніе общему жилью ббльшей массы движущагося воздуха, бльшаго количества солнечныхъ лучей, доставленіе всѣмъ бльшихъ удобствъ отъ сожитія, насколько такія удобства совмѣстимы съ цѣлымъ, вмѣщающимъ въ себѣ всѣ эти разновидности съ цѣлю и назначеніемъ государства. Какъ бы ни были велики и разнообразны ремонтныя и детальныя работы, едва ли придется ломать капитальныя стѣны, или класть новые фундаменты: они столь же годятся для будущаго времени, какъ и въ минуту, когда были возведены великимъ зодчимъ.

Мы старались воспроизвести, по мѣрѣ возможности, обстоятельства, сопровождавшія кратковременное, почти моментальное, сближеніе двухъ великихъ поэтовъ славянскаго міра, которыхъ пути случайно пересѣклись почти подъ прямыми углами. Поразительно противоположны были ихъ темпераменты, двѣ разныя стихіи, столь же мало похожія, какъ, на примѣръ, гранитная скала (поэтъ Красинскій любитъ сравнивать Мицкевича со скалою) и зыбкая, на глазахъ моментально измѣняющаяся волна морская, играющая всѣми цвѣтами радуги. Каждый изъ нихъ былъ превосходнымъ представителемъ самыхъ характерныхъ свойствъ своего племени и народа, оба они были поэты-романтики, оба оказали громадное, до-нынѣ продолжающееся вліяніе на потомство, оба считали себя людьми дѣла и политивами, хотя не были вовсе таковыми, а только, и исключительно, художниками. Если мы были поставлены въ необходимость указать на различныя противорѣчія въ политикѣ-Пушкинѣ, на происшедшія въ немъ, безъ достаточныхъ, по нашему мнѣнію, причинъ, перемены въ убѣжденіяхъ, то мы это сдѣлали вовсе не по желанію отыскивать пятна на солнцѣ, но потому, что того требовалъ самъ предметъ нашего изслѣдованія. Несмотря на свою неустойчивость въ коренныхъ убѣжденіяхъ политическихъ и общественныхъ, Пушкинъ всегда былъ человѣкъ симпатичный, и особенно замѣчательнъ онъ былъ именно тѣмъ, что послѣ каждой разразившейся надъ нимъ бури къ нему возвращались спокойствіе духа и веселость; онъ опять

возстановлялъ свою, ревниво оберегаемую, независимость, вслѣдствіе необыкновенной упругости своей живой натуры. Подчиняясь невольно, и почти бессознательно, всѣмъ вѣяніямъ, всѣмъ измѣненіямъ въ окружающей его средѣ, Пушкинъ не терялъ нивогда бодрости и способности работать при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Нельзя мѣрять всѣхъ людей всѣхъ временъ однимъ, и въ особенности своимъ собственнымъ, аршиномъ. При оцѣнкѣ дѣятельности Пушкина, надобно, прежде всего, соображаться съ внѣшними условіями его дѣятельности въ переживаемыя имъ трудныя времена. Примѣромъ и образцомъ правильныхъ и справедливыхъ оцѣнокъ будутъ служить хорошія отношенія, которыя сохранили другъ къ другу Пушкинъ и Мицкевичъ, даже и послѣ того, какъ они другъ съ другомъ — по политическимъ убѣжденіямъ — разошлись навсегда.

В. Спасовичъ.

